

МУРМАН И МЗИЯ РАТИАНИ
ИСМАИЛ АКАЕВ

Горцы

III ТОМ. ПО ТРОПАМ АБРЕКА

Исмаил Акаев

Горцы. III том. По тропам абрека

«Издательские решения»

Акаев И.

Горцы. III том. По тропам абрека / И. Акаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624617-1

Внимание читателя представлен долгожданный третий том романа «Горцы». Это книга о борьбе кавказских абреков против произвола властей, о рыцарях чести и доблести, которым не чужды были человеческие чувства — любовь, дружба и ненависть. Вечно гонимые, они не прощали предательство, ценили дружбу и были верны древним традициям гор. Формула прочности — благородства, чести и достоинства, булатным свойством пронизала главных героев этого романа, словно болеть чужой болью для них лекарство... Исмаил Акаев

ISBN 978-5-00-624617-1

© Акаев И.
© Издательские решения

Содержание

Мурман Ратиани	8
Автор	10
Автор	12
Пролог	13
«На пути абрека»	13
«КІАНТ КХИОШ – КХИАВО КЪОНАХА! ЙОІ КХИОШ – КХИАДО КЪАМ!»	18
«ВОСПИТЫВАЯ МАЛЬЧИКА – ВОСПИТЫВАЕТЕ МУЖЧИНУ! ВОСПИТЫВАЯ ДЕВОЧКУ – ВОСПИТЫВАЕТЕ НАЦИЮ!»	19
Тропа к сердцу	21
I	21
II	26
III	29
Борзак на тропе возмедия	32
I	32
II	36
III	41
Хапагож	44
I	44
II	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Горцы III том. По тропам абрека

Мурман и Мзия Ратиани
Исмаил Акаев

*Посвящается Президенту Ассамблеи народов Кавказа
Руслану Кутаеву*

Иллюстратор Изнаур Акаев

Художник Айтек Дуг

Редактор Янина Дикаева

© Мурман и Мзия Ратиани, 2024

© Исмаил Акаев, 2024

© Изнаур Акаев, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0062-4617-1 (т. 3)

ISBN 978-5-0062-4619-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

III ТОМ* ГОРЦЫ. ПО ТРОПАМ АБРЕКА

Мурман Ратиани автор документальных изысканий основы книги

Мурман Ратиани

Книга создана по мотивам документальных изысканий Мурмана Ратиани, который внес огромный вклад в деле сохранения информации о кавказском абречестве. За годы жизни, проведенные на Северном Кавказе, Мурман Ратиани собрал бесценную кладезь свидетельств подвигов кавказских абреков. В долгожданный третий том романа «Горцы» заложена основа записок и архивных материалов, собранных им. Мурман Ратиани родился 21 марта 1929 года в Абаше, маленьком городке на Западе Грузии. После окончания школы поступил в Грузинский политехнический институт на строительный факультет, который окончил в 1947 году. В 1962 году Ратиани был командирован в Кабардино-Балкарию и в Северную Осетию, где познакомился с творческой интеллигенцией Северного Кавказа. Вся его последующая жизнь была посвящена исследованию и сбору материала кавказских борцов против произвола царской России. К великому сожалению, Мурман покинул скоропостижно этот бранный мир, и старанием его прекрасной дочери Мзией Ратиани, сегодня удалось воссоздать литературные искания Мурмана в книжном произведении – на русском и чеченском языках.

Автор

Писатель, публицист Мзия Ратиани родилась 26 января 1962 года в городе Батуми. В 1979 году окончила школу в Тбилиси. Работала в райкоме комсомола на заводе управляющей кадрового отделения. В 1986 году поступила и окончила 4-й медицинский колледж города Риги. Работала во 2-й больнице 4-го управления Минздрава ЛССР. С 1989 года работала в медицинских учреждениях Грузии. Во время абхазо-грузинского конфликта работала в госпитале МО Грузии в Гори. в 1996—2000 годы работала в кардиологической клинике в Тбилиси. С 2001-го занимается общественной работой и помогала отцу в работе над его полевыми материалами. С 2015 года работает над завершением романа отца.

Автор

Исмаил Акаев – журналист, публицист, редактор, писатель, деятель театра и кино, Член Евразийской Творческой Гильдии, член Клуба Писателей Кавказа. Увлекается литературой с 90-х годов. Из-под его пера вышли такие произведения как исторический роман трилогия «СЕРЕБРЕНИК – Отец и сын. Тайна Заурбека. В лабиринтах тайн Заурбека.» «Дахаран туьха» «Silver Coin» «Записки штрафника – Млечный путь» «Свобода или смерть» «Маршо йа Южалла» «История родового генеалогического древа – ЧИНАХ БОКИ-ДУКЪАРХОЙ» а также рассказы и публицистические статьи.

Издавался в различных периодических изданиях как России, так и за рубежом. Литературные произведения вышли в свет на русском, чеченском, арабском, турецком, итальянском и английском языках. В 1992-м году создал свой собственный театр «Исмайл» в городе Москва. Из-за военных событий в Чеченской Республике, вынужден был перебраться на Родину. В годы войны работал журналистом на разные международные издания. Его произведения получили широкий отклик в сердцах множества читателей.

Пролог

«На пути абрека»

Дорогие читатели! Рады представить вашему вниманию долгожданный третий том яркого исторического повествования «Горцы». Мы, авторы, не зря отметили продолжение романа заголовком «На пути абрека». На этих страницах искусным литературным языком передано каким сложным и тернистым был путь абрека. Читатель откроет для себя новые подробности из жизни главного героя романа – абрека Куты Мяхтинского, узнает о глубокой и трагической истории любви его родителей. Именно в этом третьем томе показано насколько велика роль женщины в жизни чеченского героя, ведь он остался в раннем возрасте без отца и вопросами его воспитания занималась мать – правнучка известного чеченского богослова и военного деятеля Ташу-Хаджи Саясановского. Будучи хафизом священного Корана, она смогла с малых лет взрастить в своем сыне трепетную любовь к исламу и богобоязненность. Именно благодаря ее женской самоотверженности и мужеству, а также глубокой мудрости Кута смог состояться как личность и обрести свое самое главное оружие – знание языков. В этой книге читатель узнает и о том, что путь абречества до Куты прошел и его отец Маьхьди, который встал на путь народного мщения из-за своей личной трагедии, возмездие за которую стало его жизненной целью. В начале этого пролога, хочу прежде всего отметить, что главный герой произведения – истинный сын чеченского народа, в котором гармонично сошлись все лучшие качества мусульманина и настоящего мужчины, верного принципам ислама и собственной идее. Он оставил незабываемый след в истории чеченского народа. Стоит особо подчеркнуть, что имя его до сих пор было незаслуженно предано забвению, так как имперские власти всегда испытывают страх перед памятью чеченского народа, которая может в любой момент проснуться.

В романе «Горцы» – в этой яркой истории приключенческого жанра подробно раскрыты все реалии доселе неизвестных для читателя страниц из жизни героев Кавказа – их нерушимые принципы братства, их честь и достоинство, ради которых они с легкостью ставили на кон свои жизни. Третий том романа «Горцы» написан на основе записок и архивных материалов, трепетно собранных Мурманом Ратиани.

К сожалению, Мурман ушел из жизни, так и не успев издать книгу и показать миру те лучи свободы, исходящие от лучших сынов Кавказа. Нам повезло, что Мзия – дочь Мурмана нашла рукописи отца, и благодаря которой удалось воссоздать такую замечательную книгу по архивным запискам Мурмана. Дочь Мурмана Ратиани – Мзия Ратиани врач по образованию, совершила не менее благородное дело, чем врачевание, представим нам возможность заглянуть в прошлое Кавказа. На страницах этой книги ярко и содержательно освещены все исторические события прошлых лет, переданы все чувства и мысли борцов за справедливость и их благородные поступки. Я безмерно счастлив, что имел возможность работать в соавторстве с Мзией Ратиани и внести свой скромный вклад в создание этого прекрасного литературного произведения. В данный момент работа над третьим томом завершена, но читателей ждет не менее увлекательное путешествие в четвертый том произведения в недалеком будущем.

Продолжая свое вступление к этой книге, хочу отметить, что чеченцы издревле строили в своих горах башни – боевые, сигнальные, жилые. На самых высоких кручинах, на отвесных скалах – чеченские каменные башни тянулись в небеса. Враг приходил и рушил эти башни, однако потомки прежних обитателей этих гор, возводили башенные строения с еще большим

рвением и силой. Казалось, что невозможно будет их возвести вновь, что не осталось уже ни сил, ни возможности у последующих поколений, однако в горах одна за другой появлялись могучие крепости.

Долг перед Отчизной, священный долг перед предками заставлял последующие поколения бороться за свою свободу. После каждых нашествий врагов, чеченцы уходили все выше и выше в горы. Тем самым народ обретал силу и становился таким же незыблемым как эти горы. Возвращаясь обратно в низины, чеченцы находили от своих жилищ лишь пепелища. Истощенные от вечных войн, они вновь бросали все свои последние силы на восстановление родного очага. Это продолжалось на протяжении столетий и сегодня в 21 веке весь мир вновь стал свидетелем чеченской трагедии – разрушенные города и села, уничтоженное мирное население. И вновь как и в прежние века, чеченцы на пепелищах своих очагов воздвигли новые города и села и также продемонстрировали бесконечную силу жизни. Они вновь отстроили жестоко разрушенные башенные крепости. И закладывая эти башни, любой чеченец знает, что каждый камень – это часть Адата, тайна генома. Каждый камень закладываемый в башне – это «файл», в котором закладывается то самое чеченство – Нохчалла! Религия, Человечность, Милосердие, Достоинство, Честь, Этика, Мужество, Уважение, Культура, Смелость, Выдержка, Приличие, Верность, Свобода, Вера, Справедливость – это именно те ценности, которые закладываются в каждом камне чеченских башен. И если отсутствует хотя бы какая-то из них, то башня разрушится, также и чеченец не может называть себя чеченцем, если в его жизни отсутствует хотя бы одна из этих ценностей. Чеченцы никогда не существовали без религии, как пытаются сегодня это представить некоторые лжеисторики, пытаясь доказать причастность чеченцев к идолопоклонничеству.

Древний спутник чеченца Адат вобрал в себе постулаты религии Ислам. Враги чеченского народа какие только ни пытались повесить ярлыки на истинное лицо чеченского народа, чтобы очернить историю и язык древней нации. Что касается чеченского языка, то эта составляющая народа занимает особое место в жизни чеченцев. Издревле, чеченцы оставляли след своим потомкам в своем языке, что есть у человечества Пастырь – Всевышний Создатель, Творец всего сущего на Земле и имя ему Дела (Бог). Поэтому чеченская борьба за самостоятельность – это непризнание над собой кнута кочевых захватчиков, ни царского, ни советского, ни псевдодемократического.

Чеченец гордо противится тому, чтобы в племени своем видеть исчадие плена властителя над личностью и его свободой. Вертикаль власти в лице одного человека и его приспешников в сознании свободного человека – это разрушительное зло. В Чеченстве – Нохчалла, вы найдете истину мудрости и веры. А это и есть ясный свет в пути человека от рождения и до окончания его жизненного пути.

В повествования этой замечательной книги «Горцы» читатель откроет для себя еще много неизведанных светлых сторон из жизни чеченского народа и народов Кавказа. Мурман Ратиани оставил яркий свет в своих рукописях, в которых он по крупицам собирал историю личностей Кавказа, которые ценой своей жизни стояли на пути добра и справедливости.

На страницах этой книги ярко и содержательно освещены все исторические события прошлых лет, переданы все чувства и мысли борцов за справедливость и их благородные поступки.

Эта книга безусловно развеет все мифы о злых чеченцах, и так называемых диких кавказцах. Если сравнить Рим и римское право с Кавказом и его Адатом, то Риму как и многим государственным формам пришлось бы многому научиться у Кавказа, потому что свод неписанных законов гор Адат – это будто ограненный алмаз, отблески которого освещают жизненный путь каждого кавказского народа. И горец, живущий согласно принципам этого Адата, никогда не сможет поступать как злодей, все его поступки будут нести в себе благородные и богоугодные деяния.

Самое мощное орудие в воспитании людей – это язык и поэтому с глубокой уверенностью утверждаю, что чеченский язык и люди, воспитанные на этом языке, не нуждаются в имперских плетях и пряниках, о чем повествует одна из глав в этой книге (в первом и втором томе), когда простой чеченец не потерпел над собой княжеской плети. А народ, который на протяжении почти целого 20 века отрицал существование Бога не имеет право говорить, что он несет в мир демократию, справедливость и покой. Он будет жить лишь по принципу «разделяй и властвуй», тем самым поработая малые народы.

Порочные формы правления царизма силой вторгались на Кавказ, беспощадно выжигая его земли и истребляя его коренных жителей. Эта черная рать уничтожила целые этнические группы народов Кавказа. Деспотизм господина со своими рабами нес кровавую разруху в горские племена, при этом идеализируя свою власть. А идеалы эти заключались в утопическом постулате – человек – животное, нуждающееся в господине и зависимое от него. Рано или поздно царства с монархами гибнут, как и сами монархи. Бессмертны и устойчивы только те народы, где царствуют законы равенства между людьми. Там, где заканчиваются законы равенства и справедливости, начинаются законы силы и злата, и возносится над всеми государь, которому как воздух необходимо раболепие. Такому угнетению способны противостоять лишь действительно смелые и благородные сердца.

Длительное противостояние захватчикам на протяжении веков, в чеченцах воспитывало и укрепляло дух справедливости, мужественности, храбрости и верности своему Отечеству – Кавказу. Физическое и моральное воспитание чеченцев зависело от множества обстоятельств и несмотря на сложности быта и потрясения, происходящие извне, физический и моральный дух чеченца в своей совокупности преобладал духу любого, пришедшего на территорию Кавказа с целью его завоевания. Именно таким – сильным и смелым, с безупречно красивым телом и душой явился в этот мир рыцарь Кавказа – главный герой этого произведения – чеченский абрек Кута из Довта-Мартана. Он обладал не только безупречной отвагой, но и в совершенстве владел русским, арабским, грузинским и тюркскими языками. И он умел не просто говорить на этих языках, а находить общий язык хоть с кем, доводить на этих языках истинную цель своей борьбы. Он словом и делом умел выражать светлые помыслы того пути добра и справедливости, на который он вышел.

Эта книга, безусловно – исповедь Кавказа! Ведь здесь без всякого авторского притязания одинаково красиво показаны практически все представители народов Кавказа – грузины, кабардинцы, черкесы, балкарцы, карачаевцы и др. Братство абреков, их готовность, жертвуя собственными жизнями встать на защиту друг друга, безусловно доказывает тот факт, что Кавказ не имел каких либо границ и был един в своем природном и историческом совершенстве.

На безгранично доступном – красивом художественном языке представлен здесь образ легендарного чеченского абрека Куты и других ярких личностей, которых он встречал на своем пути. Это вовсе не разбойник, опьяненный жадой крови и войны. Кута поистине народный мститель, который ради справедливости вышел на тропу своей борьбы. И он умеет вести себя на этой тропе.

Надо отметить, что на арене жизни Кута встречался с множеством людей различных вероисповеданий, национальностей и сословий. И с каждым из них он умел находить общий язык, налаживать родственные и дружеские связи. Его натура не терпела проявление силы над слабым и он находил в себе мужество противостоять этой силе. Он никогда не разделял людей по национальному признаку и вероисповеданию, о старался в них он находить, в первую очередь, человечность. Чеченский абрек был защитой для обездоленных и грозой для власть имущих, угнетающих крестьян. Его светлый образ заслуживает внимания на мировом уровне.

Стоит особо подчеркнуть и начало пути его абречества, а точнее причина, по которой он встал на этот путь: Очевидцы, из уст в уста передавали, что молодой человек – Кута, стоявший у родника со своей возлюбленной стал свидетелем жестокой картины, когда казаки грубо

отшвырнули чеченскую старушку, которая по случайности оказалась на пути казачьего отряда. Именно в этот день, убивая этих казаков, становится на путь абречества – народного мщения чеченский абрек Кута, и на этом пути встречает таких же доблестных рыцарей Кавказа.

В содержании книги описываются братские узы кавказских абреков, о взаимной поддержке друг друга, общее понимание принципа добра и справедливости. Вниманию читателя представлена дружба чеченского абрека с достойными сынами Кавказа – грузинскими князьями Ратиани, Мачутадзе, Дадешкелиани и представителями других народов Кавказа.

Безусловно, книга «Горцы» – огромный, безгранично весомый вклад в развитии и обогащении кавказской литературы, где отражены прекрасные традиции кавказских народов – гостеприимство, культура, этика, дружба, долг чести и достоинства. Перед читателем предстанет «портрет» Кавказских Народов в многогранных оттенках красок, которые отражены в персонажах книги, а также фон географии мест событий по Кавказу и не только...

Накануне, произведение вышло в свет и на чеченском языке и стоит отметить, что благодаря глубокому знанию языка и художественного слога переводчица Янины Дикаевой, книга приобрела новое «звучание», и неудивительно, ведь чеченский язык является одним из древнейших языков мира, тянущийся из глубин Древнего Шумера. Уверен, что эта книга зазвучит на других языках мира.

Нить прошлого в народах Кавказа безобрывочна – в памяти его потомков, особенно память к своим предкам, к своему прошлому...

Исмаил Акаев – писатель, журналист, член Евразийской Творческой Гильдии (Лондон), член Клуба Писателей Кавказа

Дорогу
осилит
идуший

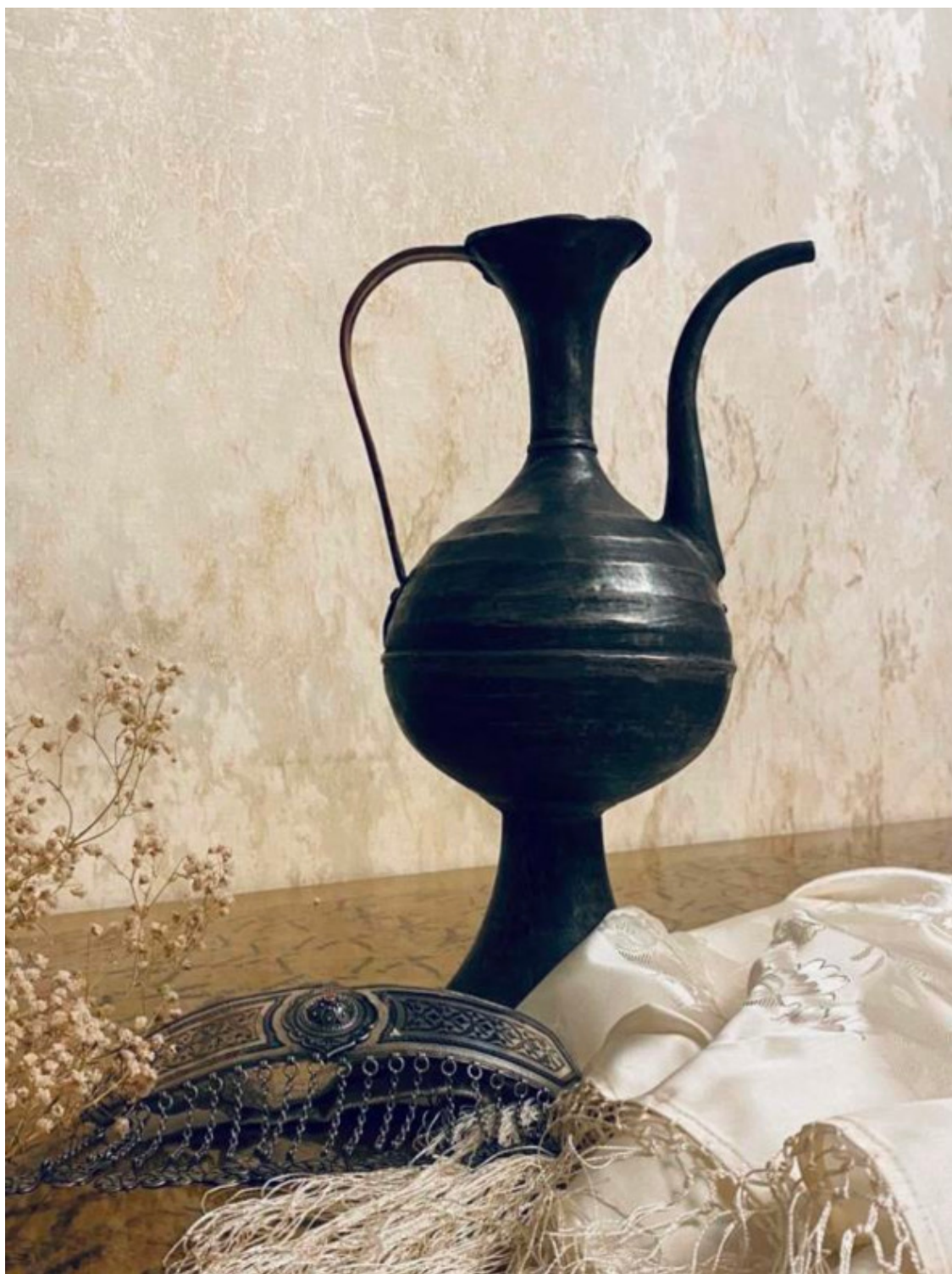
**«КІАНТ КХИОШ – КХИАВО КЪОНАХА!
ЙОІ КХИОШ – КХИАДО КЪАМ!»**

**«ВОСПИТЫВАЯ МАЛЬЧИКА –
ВОСПИТЫВАЕТЕ МУЖЧИНУ! ВОСПИТЫВАЯ
ДЕВОЧКУ – ВОСПИТЫВАЕТЕ НАЦИЮ!»**

(чеченская поговорка)

Абрек Кута из Довта-Мартана

Тропа к сердцу

I

Золотые солнечные лучи игриво переливались на окутанных зеленым бархатом лесов, высоких холмах Довта-Мартана. Кута наслаждался Родиной, запахом ее земли, вкусом ее шумных родников и какой-то глубокой, своеобразной тоской, постоянно витавшей в ее воздухе.

Прошло ровно две недели, как Кута отбил у казаков табун лошадей старого Шоптака. Сейчас в его жизни неожиданно настали такие долгожданные минуты покоя, которые он мог провести в кругу своей семьи в таком дорогом сердцу, живописном Довта-Мартане. Но на самом деле Кута мало времени проводил дома. Он словно не мог насытиться этим воздухом свободы.

Как только сумрак окутывал небо, Кута выезжал в гости к своим друзьям, проживающим в соседних селах и аулах. Так он проведал лекаря аккинца Эльмарзу с Валерика, заодно и рану свою показал ему. Несколько дней абрек провел в Самашках у верных друзей из тейпа зумсой. Вместе со своим названным братом Гирмахом из тейпа нашхой, с села Катар-юрт, Кута побывал в Старых Атагах у Аюба Тамаева, и еще несколько дней они провели в Шали.

Кута посетил и свое родовое гнездо – высокогорный Ушкалой, лежащий на самом пике чинхоевских гор. Именно здесь на земле предков, под рокот кипящего Аргуна осознавал абрек истинную ценность жизни и смерти, любви и ненависти, победы и поражения. Сколько бы ни было пройдено горных троп Кавказа, но покой его душа искала и обретала лишь здесь – на беспокойной чеченской земле. Кута понял насколько сильной оказалась тоска по Родине, ведь так долго дома он еще не задерживался. Издали виднеется заснеженная шапка горы Башлам, а тут рядом стоят две боевые наскальные башни, которые стали незыблемыми стражами горной Чечни, будто два брата, стоящих на защите своего дома. Абрек полной грудью вдохнул пьянящий воздух свободы – сколько же еще предстоит пройти по этим тропам известно лишь Всевышнему, ясно лишь одно – эта земля стоит того, чтобы за нее боролись и умирали...

Тем временем по абреку скучали родные стены.

– Кута, ты даже не заметил, как выросли твои сыновья. Они уже юноши, которые нуждаются в твоём тепле, в твоих советах и наущениях. А видят они тебя когда? Я умоляю тебя провести с ними время. Того тепла, любви и добра, которые ты несешь людям почему-то нам никогда не достается – всхлипнула Цаца. С особенной болью отозвались слова престарелой матери в сердце абрека, ведь он действительно совсем забросил семью. Может месяцами не видеть мать, супругу и детей. Как-то горько стало на душе.

Он быстро встал и обнял Цацу:

– Нана! Милая, родная нана! Как же я виноват перед тобой. Я понимаю какой тяжкий груз взвалил я на твои хрупкие плечи – больная жена, дети и постоянный страх за меня. Ты всю свою молодость отдала мне, а старость посвятила моим детям. Я не знаю, как и чем я смогу это все восполнить для тебя...

Таким он был путь абрека, когда родной матери, любимой жене и собственным детям не доставало его тепла и любви, которыми он всецело одаривал свой народ, и своих друзей по всему Кавказу. В тот вечер абрек дал слово матери, что всю неделю проведет дома. Для детей эта новость была самой лучшей за последнее время. После того как Кута встал на этот путь возмездия, детства у них как такового и не было. Мать слегла, а все домашние заботы свалились на плечи престарелой бабушки, которой нужно помогать, да и постоянный страх за отца леденящей тоской сковывал маленькие сердца. Вот так незаметно пролетело их детство, и наставала юность, которая возможно пойдет по следам беспокойной жизни мятежного отца.

Этот вечер настал по-семейному уютным, и теплым. К счастью, никто не пожаловал в гости и как только стемнело, Цаца попросила Хамида закрыть ворота. Заза тоже чувствовала себя хорошо, хлопотала по дому, наслаждаясь короткими мгновениями своего испытанного временем хрупкого женского счастья. Заза была в жизни абрека не случайным человеком. Дочь харачоевца Ульби из Алдов приходилась троюродной сестрой абреку Зелимхану. Отец Зазы Ульби был двоюродным братом отца Зелимхана. Юную красавицу Кута увидел, когда он вместе с Зелимханом заезжал в Алды. С тех пор Заза, которую в девичестве звали Цакой, заняла прочное место в беспокойном сердце абрека и через короткое время вошла в его дом. Невестку пришлось переименовать, так как Цакой звали родственницу Куты, а по чеченским обычаям снохи не могут называть по именам родственников мужа. Так Заза очень быстро привыкла и к новому имени и к новой семье, частью которой ей суждено было стать. Впоследствии семья Зазы вынуждена будет перебраться в Довта-Мартан. Брат Ульби во время ссоры, произошедшей в Алдах, убил двоих братьев беноевцев и сам скончался от полученных ран. В знак примирения семья Ульби покинула Алды, как и требовали адаты народа...

Родственники знали, что Кута дома, поэтому его двоюродные братья Эска и Джама с группой молодых горцев из числа родни и друзей охраняли покой абрека, готовые в момент опасности даже ценой собственных жизней встать на его защиту. Поэтому ведь в большей степени Кута не хотел надолго задерживаться дома, чтобы не подвергать опасности жизни родственников и земляков.

Это был самый незабываемый вечер для семьи абрека. Когда Заза, перевязав рану Куты, вышла из его комнаты, Цаца подошла к его двери:

– Кута, можно к тебе войти? – мать стояла у входа комнаты, опираясь одной рукой о косяк двери.

– Конечно, можно! – Кута быстро вышел, обнял ее за плечи и завел в комнату. Цаца оглянулась назад на внуков, и кивком головы позвала их за собой. Комната абрека была не большая. Одно окно смотрело во двор, а второе окно, напротив, было пробито в конюшню, откуда в комнату мог заглядывать его конь. Под окном в конюшню стояла прочно сбитая длинные деревянные нары, на которой лежали овечьи шкуры и несколько подушек. Рядом стоял низкий стол на четырех ножках. Напротив входной двери возле стены стоял опоясанный железными листами, сундук и несколько стульев.

– Нана, поднимись на нары и садись, чтобы тебе было удобно, – Кута помог матери расположиться, а сам сел чуть ниже у ее ног. Дети стояли возле двери, переминаясь с ноги на ногу.

– Хамид, заходите, – окликнула внуков бабушка. Хамид вошел в комнату, остановился у двери и посмотрел на отца.

– Проходите, садитесь, – отец показал рукой, куда пройти детям. Хамид прошел к стулу возле сундука, Бакали взяла низкий стульчик и пристроилась у ног своего отца в стороне выхода из комнаты. Младшего внука – Ремида, бабушка подозвала к себе, и он устроился рядом с ней. Тихо вошла в комнату Заза и села на маленький стульчик возле выхода с комнаты. Лицо Цацы горело от удовольствия, от осознания семейного счастья и покоя. Какими долгожданными и выстраданными были в ее жизни эти такие обычные для других семей моменты.

За всю свою жизнь лишь в этот вечер понял Кута смысл слов – семейное тепло.

– Интересно, как бы сложилась моя жизнь, если бы я выбрал иной путь – вставал бы как все спозаранку и уходил на работу в поле, а потом коротал тихие семейные вечера с женой и детьми, засыпал ночами спокойно, а утром вставал с первыми лучами солнца, если бы мне не нужно было как волку зализывать свои раны, скрываясь в горных ущельях от очередной стаи преследователей, а домой пробираться под покровом ночи. Интересно смог бы я так жить? – вдруг подумал абрек, но он выбрал совершенно другую дорогу, с которой уже никогда не свернуть, как бы он не мечтал о покое в потаенных глубинах своей души...

Прерывая мысли сына, заговорила Цаца:

– Сегодня ваш отец по воле Аллаха достался нам, спрашивайте, говорите. Неизвестно когда нам еще представится такой случай, – Цаца повернула голову в сторону старшего сына абрека. Хамид покраснев, опустил голову. В его понимании Кута был не просто отцом, а настоящим героем, грозой врагов и гордостью нации, поэтому не просто было заговорить с ним. На помощь старшему сыну пришла Заза:

– Баба, старший сын давно хочет спросить у отца, но не решается, можно ли ему быть рядом с ним, пойти по его дороге? – спросила она у свекрови. Кута посмотрел на Хамида. Абрек вздохнул, будто знал, что рано или поздно услышит этот вопрос. А вот как ответить-то на него? Неужели юность и молодость сыновей также уйдет в этой бесконечной борьбе против врагов? Неужели хотя бы одно поколение не сможет насладиться свободной жизнью на родной земле?

– Хамид действительно повзрослел, и он вполне мог бы быть со мной рядом. Кто знает, может и придется ему быть, поэтому, надо к этому готовиться, однако сегодня он больше нужен нашей семье. У него тоже свой путь – большой, чистый, священный путь служения нашей семье, очагу, который заключается в помощи матери, бабушке младшему брату и сестре. Мне нужен мужчина в этом доме, чтобы каждый раз, когда я оказываюсь между жизнью и смертью я не переживал о вас и знал, что есть кому позаботиться, а что касается абречества... Знаешь, Хамид, борьбе против врагов посвятил свою жизнь мой отец, в этой борьбе прошла жизнь и его отцов, поэтому велика вероятность, что и ты встанешь на этот путь. Все свое время. Время не нужно погонять как не послушного скакуна. Оно никогда не опаздывает, запомни. А пока будь опорой для нашей семьи. Поверь мне, это не менее важная и нужная борьба. Будь честным как с людьми, так и с самим собой. Жить праведно в этом мире нелегко, скорее даже очень тяжело, но зато это самый верный и чистый путь – истинный путь настоящего мужчины, мусульманина, чеченца. Запомните оба, что сердца ваши должны быть крепкими как сталь, а крепче стали должно быть данное вами слово, чтобы в любой нужный момент встать на защиту своей родины, своего дома. Думаете, моя жизнь и жизнь моих товарищей проста? Как бы мы ни нагоняли страх на врагов, мы словно волки, что ходят по узким горным тропам в прицеле охотников. И все зависит от воли случая, если враг спустит курок раньше чем я, моя жизнь оборвется. Мы никогда не найдем земного счастья на этом пути, но будем счастливы от утоления жажды мести. Судьба сама нас выбрала для возмездия, и я не знаю падет ее выбор на вас или нет, но в любом случае вы должны быть готовы к борьбе, а рваться раньше времени в нее не стоит, потому что жизнь сама позовет – она никогда ничего не забывает...

Кута еще долго говорил с сыновьями. Оказывается, он и сам истосковался по этому разговору. Ему в жизни не выпала возможность вот так в теплом семейном кругу послушать советы отца. Будущему абреку было шесть лет, когда его отец скончался от тяжелых ран. Лишь смутно он помнил свою бабушку Товсари – мать отца. Она была из тейпа Тумсой, рода Боки. Будучи старшим ребенком в семье она обладала глубоким уважением братьев. В особенности к ней был привязан младший брат Бетамарз. Его уважение и любовь к сестре передалось и его сыновьям Ахмарузу и Нохмарзе. Нохмарза, так же как и сын Товсари Эза – дядя Куты был наибом Имама Шамиля.

Отец в памяти Куты остался суровым и строгим горцем, на лице которого он ни разу не увидел даже легкое подобие улыбки. Через всю жизнь пронес Кута горькую обиду, что отец ни разу даже не прижал его к сердцу. Тепло и любовь, которых он не дождался от отца, в его жизни восполнил родной дядя – Эза.

– Нана, а мой отец любил меня? – неожиданно сорвался с уст Куты этот вопрос, который годами горел в его сердце.

Цаца встрепенулась:

– Почему ты это спрашиваешь?

– Я не помню, чтобы он меня когда-то обнимал, или даже разговаривал со мной. Я его запомнил строгим и неразговорчивым человеком. – Кута словно рылся в своей памяти, пытаясь достать из ее закоулков хотя бы один яркий фрагмент из своего непростого детства. Цаца нежно приобняла сына за плечи:

– Конечно, он любил тебя. Как бы он мог не любить свой единственный смысл жизни? Я видела и чувствовала его безграничную, всеобъемлющую любовь к тебе, которую он трепетно хранил в своем сердце. Просто, понимаешь настоящие мужчины хранят свои чувства глубоко-глубоко в сердце, как нечто сакральное и святое. А он был действительно настоящим мужчиной, каких я в своей жизни еще не видела. – Цаца замолчала, пристально вглядываясь в даль. Заза удивленно посмотрела на свекровь, осознавая, что над истинным чувством не властно даже время. Оно не стареет, не изнашивается и даже не умирает, а просто уходит в вечность вслед за душами тех, кому оно принадлежало...

Цаца осторожно взяла в свои руки ладонь Куты и тихо произнесла:

– Кута, ты ведь знаешь через что прошел твой отец. Только поистине сильный человек бы смог не сломаться под натиском такого большого горя, потому он так сильно боялся потерять нас с тобой. Мы для него были чем-то хрупким, поэтому он и запрятал нас глубоко в своем сердце, боясь даже лишним словом растрезвожить. – крупные капли слез застыли на морщинистых щеках женщины. Комнату окутала своеобразная тишина, кровавой нитью тянущаяся из глубины той большой трагедии, память о которой была еще жива. Вдруг эту тишину нарушил звонкий голос дочери абрека Бакали:

– Баба, а что произошло с нашим дедушкой? Ты никогда не рассказывала нам его историю.

– Это долгая и очень печальная история, девочка моя. Много-много лет назад русские очень жестоко убили его пятерых малолетних детей и красавицу жену. Тридцать лет своей жизни отдал он мести. Вся его жизнь превратилась в одно возмездие. От одного его имени содрогались враги. Всех он нашел и всем отомстил, кроме одного. Его лишь пощадил...

– Баба, а ты знала этих детей? Братьев и сестер нашего отца? – добродушно спросил у бабушки младший сын Куты Ремид.

Цаца улыбнулась:

– Откуда же мне их знать? Меня-то и на свете тогда не было.

– Как? Ты младше детей своего мужа? – не смогла скрыть удивление Заза.

– Конечно! Мой муж был старше моего отца! – ответила бабушка, а ее морщинистое лицо озарила счастливая улыбка. Несмотря на тяжесть ушедших лет, воспоминания о них отдавались в сердце сладкой болью. Кута пододвинулся поближе к матери с огромной надеждой услышать еще что-либо о загадочной жизни отца, который так рано ушел из его жизни. Будто разгадав мысли мужа, Заза обратилась к свекрови:

– Баба, расскажи, пожалуйста, как вы познакомились. Ты же с той стороны Аргуна, с Ичкерии.

Это было не праздное любопытство – Цаца была известной девушкой в Чечне, а ее замужество многих удивило.

село Саясан... чеч Сесана

II

– Все верно, Заза, я с Ичкерии. Родилась и выросла в горном селе Саясан. Я росла в счастливой и обеспеченной семье, была любимицей бабушки. Мать моего отца была дочерью известного на Кавказе шейха Ташу-Хаджи Саясановского, которого в народе называли Воккха Хьажи (Большой Хаджи, Великий). Ее звали Кесира. Мы жили всей семьей в одном доме, а я с двух-трех лет была очень привязана к бабушке, засыпала лишь рядом с ней. С раннего детства прививала она мне любовь к исламу, и трепетно взращивала в моем сердце первые всходы истинной веры. Она меня учила арабской письменности и с ее помощью я заучивала отдельные части Корана. Бабушка вместе со мной у нас дома начала учить арабской письменности и соседских девочек. В 12 лет я почти наизусть знала Коран. Меня освободили дома практически от всех дел по двору и на огороде. Я лишь помогала матери иногда готовить кушать. Нана меня ругала и звала к печи, чтобы я училась кулинарному мастерству.

– Не будет тебя кормить муж, выгонит, и правильно сделает говорила она, – старая горянка задумалась. Нежный образ матери вызвал на ее лице тень печали. Никто не торопил бабушку. Знали все, что сорвавшаяся со скалы памяти лавина воспоминаний уже не остановится...

– В двадцать лет я знала Священный Коран наизусть. – продолжила Цаца. Тогда бабушка приняла важное решение – открыть в местной мечети школу-медресе для девочек, по обучению их азам религии и арабской письменности, а меня сделать их учителем. С этой работой моя жизнь приобрела другие яркие краски. Я была для своих девочек не только учителем, но и лучшей подругой, наставницей. Я всецело была посвящена в их юные судьбы, знала о их стремлениях, о их чистых словно весеннее цветенье первых чувствах и желаниях. Вся моя жизнь была посвящена религии, и передаче знаний девочкам, доверившимся мне. Годы шли. Я выросла и знала, что много горцев ищут дорогу к моему сердцу. Известные, состоятельные люди, алимы со всех уголков Чечни приезжали к моему отцу, выражая желание той или иной семьи породниться с нами, порой бывали даже такие авторитетные семьи, которым и отказать-то было неприлично. Но, к сожалению, или к счастью, мое сердце оставалось закрытым, и я ведь не была виновата, что никто из них не мог найти к нему ключ. Виновата в какой-то мере была бабушка. С раннего детства рассказывала она мне о доблести и отваге настоящих мужчин. Я росла на чеченских сказках, где турпал нохчо сражался с врагами, а любовь всегда была самым главным и сильным оружием. Я выросла, и сказочные герои сменились на настоящих. Шейх Мансур, Имам Шамиль, Байсангур Беноевский, Алибек-Хаджи, Шуайп-Мулла, Ташу-Хаджи... я слышала о их подвигах из уст бабушки, о их безграничном мужестве и силе. Эти герои стали для меня нравственными идеалами и в самых потаенных глубинах своего, жаждавшего любви сердца я ждала мужчину, имя которого могла бы наравне произнести с этими именами. Мои мысли не умели ходить по земле, они стремились в высь к вершинам чеченских гор, в которых вели свою неравную борьбу эти герои Кавказа. – Цаца снова задумалась. Воспоминания одновременно обжигали и согревали ее душу. Все замерли, словно оказались в плену какой-то сказки, которую хочется бесконечно слушать.

– Как то раз у нас гостил сын Шуайп-Муллы, Мухаммад-Хаджи, из Центороя. – продолжила женщина. – Он был дальним родственником моей бабушки. Посторонних в доме не было, и я, пристроившись рядом с бабушкой, слушала их разговоры.

– Как поживает твой родственник из Довта-Мартана? Все еще мстит врагам, или все же вернулся к мирной жизни? – вдруг спросила моя бабушка у гостя.

Тень печали омрачила лицо Мухаммад-Хаджи.

– Нет, к сожалению, не вернулся Маьхьди к мирной жизни. Иногда заезжает в Чечню. Я видел его несколько месяцев назад, когда гостил у них в Довта-Мартане. С ним приехали

его друзья кабардинские князья братья Кучук и Атажуко, которые рука об руку идут с ним в этой борьбе. Он ведь и живет в Кабарде – в родовом поместье этих братьев Кучмазуково. Он многим отомстил, но кажется они еще кого-то ищут. – ответил Мухаммад-Хаджи.

– Хвала Аллаху! Такие мужчины сохраняют имя нашей нации! Его жена и дети обретут покой в Праведном мире, ибо они будут отмщены сполна. Он женился после той трагедии? – спросила бабушка.

– К сожалению, нет! Его родных это очень беспокоит, но, кажется, он не собирается жениться.

– Жаль... очень жаль. Такие мужчины как он не должны оставаться без потомства. Они приносят пользу не только своему роду, но и всей нации в целом – сокрушалась моя бабушка.

Мухаммад-Хаджи ушел, а этот разговор произвел на меня какое-то неизгладимое впечатление. Кто этот человек, который не побоялся объявить кровную месть таким несокрушимым врагам нашего народа и которому удастся им мстить. А самое главное, за что он мстит? Мне он невольно напомнил героев из чеченских сказок моего детства, тех самых о которых ночами мне рассказывала бабушка. Через несколько дней я решила у нее спросить кто этот горец из Довта-Мартана и за что он мстит. В этот вечер, я и узнала о трагической судьбе человека, который сыграет в моей жизни самую главную роль.

– Давным-давно, когда тебя еще не было на свете, в один из жарких летних дней – начала моя бабушка. – Русская армия окружила Довта-Мартан. Это был очень коварный и подлый удар. Летние работы были в разгаре и поэтому практически все мужчины, кроме стариков трудились на своих земельных наделах. Враги начали палить из пушек, а потом, ворвавшись в село, начали все уничтожать. Много людей погибло тогда – безвинных стариков, женщин детей. Вечером, когда Маьхди возвращался домой вместе с мужчинами, он издали увидел черные клубы дыма, поднимающиеся над родным селом. Истерзанный, разрушенный вражьиими пушками лежал благодатный Довта-Мартан. Вместо своего дома Маьхди нашел лишь развалины, внутри которых лежала мертвая красавица жена, скончавшаяся от ран выстрелов русских солдат, а за ее спиной, словно охваченные крепким сном лежали его убитые дети. Будучи раненой, она нашла в себе силы спрятать детей в погребке, но они все равно умерли, задохнувшись от дыма – русские подожгли дом, прежде чем уйти. В тот день Маьхди дал слово отомстить каждому военному, кто руководил этой операцией в каком бы чине и звании они ни были, и где бы они ни находились. Тридцать лет своей жизни отдал Маьхди возмездию и удача все еще на его стороне – заключила моя бабушка.

Этот рассказ перевернул все мое самосознание. Я поразились стойкости этого мужчины, который не сломался под натиском горя, а напротив нашел в себе силы, чтобы вершить возмездие. Мое сердце горело, словно его обуял жаркий огонь. Именно тогда, в этот миг я поняла весь смысл слова – народный мститель. Я никогда не видела этого мужчину и знала, что он, наверняка, мне годится в отцы, но моя душа жаждущая покориться настоящей мужской силе, рвалась к свободной душе именно этого мужчины. Оказывается, души сами знают кто им нужен рядом...

– А почему он не женится? – спросила я дрожащим голосом.

– Он дал слово, что не снимет с себя оружие, пока не убьет последнего, кто причастен к смерти своей семьи. – задумалась бабушка. – Да и жена говорят была у него неземной красоты женщина, наверное, ее не может забыть. Но он достоин любой женщины. Он обязан жениться. Наш народ нуждается сегодня в потомстве настоящих мужчин! – сказала бабушка.

Кто-то постучался в дверь и прервал наш разговор. Больше не вспоминали мы с бабушкой этого мужественного горца из тейпа чИинхой. Жизнь шла своим чередом. С того самого вечера, когда я впервые услышала о Маьхди пролетело два-три года. Я увидела его тогда впервые в кумыкском селе Эндерей. Мать Ташу-Хаджи – моя прабабушка была кумычкой из тарковских князей, поэтому мы с моей бабушкой иногда гостили в Эндерее по несколько дней.

В один из таких вечеров во дворе засуетились. Хозяева сновали по всему дому. Я спросила у их молодой снохи что случилось.

– Говорят, какие-то важные гости едут. Они совершат намаз, поужинают и уедут – бросила мне на ходу невестка. Дом был большой и просторный. Я находилась со всеми на женской половине, а в доме напротив накрывали столы и готовились к встрече гостей. Я не придавала этому особого значения, но разговор двух женщин, к которому я нечаянно прислушалась, заставил трепетать мое сердце. Они говорили, что в гости едут чеченцы из Довта-Мартана вместе с кабардинскими князьями. Спустя полчаса с улицы начал доноситься шум. Аккуратно спрятавшись за штору, я выглянула в окно. Во двор въехало пятеро всадников. Они ловко соскочили с коней. Впереди их группы шел высокий, статный горец с седою бородой.

Хозяин дома тепло приветствовал его:

– Да будет свободным твой приход, Маьхьди. Хвала Аллаху, что ты не забыл дорогу к нашему дому!

Я поняла, что этот статный горец и есть тот самый Маьхьди – народный мститель из Довта-Мартана. До меня доносились лишь обрывки из их разговора, из которых я поняла, что они помянутся и поскачут дальше. Меня удивил образ Маьхьди. Я ожидала увидеть уставшее от жизни лицо, но на нем не было даже отпечатка горя – лишь неумная отвага и дерзкий волчий взгляд, в котором читалось, что он не собирается отступать. Это был человек невероятного обаяния, в котором жизненная энергия была через край. Молодецки лихо поправив на себе оружие, он зашел вслед за хозяином в дом...

Кута слушал мать, будто замороженный. Он ведь никогда не знал как и при каких обстоятельствах свела судьба его родителей, а сегодня в этот какой-то особенно теплый вечер суждено ему было услышать эту святую материнскую исповедь о любви и верности, о чести и долге, о горе и возмездии...

Цаца вновь замолчала. Не легко ей давались эти воспоминания, как не легко давался и жизненный путь, полный как счастьем, так и горем. Ее мысли прервал голос муэдзина, призывающий мусульман на ночную молитву. Кута кивнул Хамиду, чтобы тот подготовил все для омовения.

Реמיד быстро подскочил к старшему брату:

– Я разложу овечьи шкуры для намаза. Пожалуйста, разреши мне все подготовить!

Хамид улыбнулся, пропуская вперед младшего брата. Хамид помог сойти с кровати бабушке, придерживая ее. После намаза Заза накрыла стол. Прошло какое-то время, пока в доме прибирали после ужина. Из комнаты Куты доносилось тихое чтение Корана. Под блеклый свет керосиновой лампы абрек полупшепотом читал Священное Писание. Заза осторожно постучала. Кута закончил читать аят Корана и вопросительно посмотрел на нее.

– Можно мы придем к тебе снова? Мы с детьми очень хотим дослушать историю бабы. Кто знает, когда предоставится ей в жизни такая возможность? – Заза в ожидании ответа смотрела на мужа. Кута отложил Коран на полку, прибитую к стене.

– Нужно! Эта история нужна нам всем! Ты не представляешь, в каком я сам ожидании услышать продолжение этой истории, поэтому зови скорей бабу и детей – улыбнулся Кута.

III

Все вновь собрались в комнате Куты. Заза поставила свой стул под окном, выходящим во двор, чтобы видеть свекровь. Цаца долго собиралась с мыслями, будто память вела ее за руку по тернистым дорогам ушедшей навсегда молодости.

– Прошло несколько лет с того вечера, как я впервые увидела его в Эндерее. Он приехал в Саясан. После полуденного намаза люди выходили с мечети, когда я со своими девочками подошла к медресе при мечети. Мы отошли к противоположной стене, пока мужчины не пройдут. Он стоял среди группы горцев вместе с Мухаммадом-Хаджи, сыном Шоип-Муллы из Центароя. Я его сразу узнала. Мухаммад-Хаджи отвел его, и они о чем-то говорили, глядя в нашу сторону. Сердце что-то подсказывало мне, но я отогнала эти мысли и постаралась вычеркнуть это мгновение из своей памяти.

Через несколько дней в сопровождении нескольких старцев к нам приехал Мухаммад-Хаджи. Меня позвала бабушка. В комнате помимо нее находилась моя мать и остальные родственники.

– Я не могу у тебя не спросить. – Эти уважаемые люди пришли сватать тебя – вопросительно смотрела на меня бабушка.

– Баба, я не хочу замуж, я должна своих девочек выпустить, у меня много работы – не долго думая ответила я и направилась к выходу.

Мне было уже двадцать шесть лет. Это совсем не мало для горянки, поэтому многие удивлялись моему упрямству, тем более все знали сколько известных горцев желают создать со мной семью.

– Цаца права. Нечего ей туда торопиться, да и девочек как она бросит в середине учебы? – быстро согласилась со мной мать.

Честно говоря, я была крайне удивлена, так как моя мать всегда торопила меня и даже была всерьез встревожена тем, что я засиделась дома.

– А тебе не интересно, кто предлагает тебе выйти замуж? – крикнула мне вдогонку бабушка.

– Кто? – спросила я, не оборачиваясь.

– Маьхьди из Довта-Мартана! – горделиво сказала моя бабушка.

Я застыла на месте, а сердце kloкотало и билось в груди, будто птица, рвущаяся на волю из клетки.

– Я согласна! – тихо, но твердо произнесла я и вышла из комнаты. Следом за мной выскочила и бабушка.

– Дитя мое! Да ты ведь даже не видела его. Взгляни хоть краем глаза – встревоженно воскликнула бабушка.

– Если это тот Маьхьди, о котором ты мне говорила, мне этого достаточно. Увидеть его у меня тоже нет необходимости – я его видела один раз. – вот так коротко ответила я бабушке, принимая самое важное решение в своей жизни, о котором я впоследствии никогда не пожалю.

Услышав наш разговор, следом вышла моя мать.

– Дочка, ты с ума сошла! Ты хоть знаешь, что творишь? Он ведь старше твоего отца! – накинулась она на меня.

Я очень сильно любила свою мать, так же как и она меня, но мы были с ней совершенно разные люди. Мысли моей матери не рвались в небесную высь, подобно моим. Ее душа не стремилась к познаниям чужих глубин и тайн. Она была спокойна подобно озерной глади, а во мне горело буйство горной реки, и духовных исканий. Воспитанная бабушкой на чеченских сказках, я повзрослела раньше своих сверстников, и мне был чужд их мир, и, потому моя душа, еще

не джонца познавшая эту жизнь, томилась и томилась в одиноком полете, в диком ожидании встретиться с такой же непонятой миром душой. И я поняла, что судьба смилоствивилась над нами обоими, столкнув нас в этом жизненном полете.

– Мама! Мне не важно сколько ему лет. Наши с ним души одинакового возраста, а это гораздо важнее и главнее нарисованных людьми цифр. Молодость, красота тела – это всего лишь оболочка, которую любому из нас рано или поздно придется с себя скинуть, а в вечность уйдут только души. Аллах посылает родственную душу лишь тому человеку, которого он поистине хочет осчастливить. Человек, который одним своим именем пугает наших врагов, разве не является настоящим мужчиной? Он, сошедший со страниц чеченских легенд и былин всегда будет для меня самым молодым. И я благодарна Всевышнему за то, что он так смилоствивился надо мной, пустив меня в его сердце – мой голос срывался, а глаза наполнялись озерами слез. Мне даже как-то стало не по себе, словно это был не мой голос, будто за меня действительно говорила моя душа...

Мама все поняла, она лишь посмотрела в сторону бабушки и тихо сказала:

– Это твоих рук дело. Ты ее воспитала такой, и я сейчас ничего не смогу изменить...

Бабушка попросила нас всех покинуть комнату и позвать моего отца, лишь мама осталась единственным свидетелем их разговора.

– С древности чеченки выходили замуж лишь по воле отца, при этом отцы никогда не шли против воли дочерей и не подавляли их достоинство и право выбора. Цаца согласна выйти замуж за Маьхьди тейпа Чинхо из Довта-Мартана, но и тем не менее в этом доме последнее слово всегда будет за тобой! – сказала бабушка моему отцу.

– Нана, а как считаешь ты сама? – спросил мой отец у бабушки. Он знал цену мудрости и нравственности дочери Ташу-Хаджи.

– Я согласна! Цаце нужен именно такой муж – испытанный временем, завоевавший уважение в чеченском обществе, обладающий безграничной отвагой мужчина. Да, он достаточно стар для нее, но если на то будет воля Аллаха, у них родится хотя бы один ребенок, а воспитать достойное потомство для настоящего мужчины, Цаца сумеет как никто другой.

– Я сообщу людям, что мы даем согласие на это родство! Пусть женщины начнут подготовку! – сказал отец и быстро вышел.

Бабушка очень часто рассказывала мне о безграничном мужестве Маьхьди, потому и рвалась моя, привыкшая к полету душа к высотам его израненного жизнью, но не покоренного врагами сердца...

Было уже далеко за полночь, когда Цаца завершила исповедь своей любви, которую она поведала семье, словно красивую сказку, родившуюся где-то там далеко-далеко в чеченских горах, на скалах которых гнездятся орлы...

Кута от души обнял свою престарелую мать.

– Эх нана, нана! Как же хорошо ты знаешь цену этой жизни, цену любви и ненависти, горя и счастья. Лишь такая как ты мужественная женщина смогла бы пронести на своих плечах ту тяжелую ношу, что взвалила на них жизнь. Мой отец лишил тебя покоя в молодости, а я не смог обеспечить тебе спокойную старость, но при этом ты никогда не считала себя несчастливой. Ты наравне со мной ведешь борьбу своим терпением, своими молитвами, огнем, которым ты не даешь угаснуть в нашем очаге. Самое большое желание наших врагов – оборвать нить нашей жизни. На той дороге, что начал мой отец, и который продолжаю я, ты являешься самым ярким маяком, который мне всегда указывает путь. В самой жестокой и неравной борьбе, твоя молитва спасает меня, и зная это я смело принимаю на себя любой бой. – каждое слово абрека выходило из глубины души, а в голосе чувствовалось безграничное тепло и любовь к матери. Эти слова единственного сына были для Цацы самой большой наградой за все пережитые испытания.

Борзак на тропе возмездия

I

Две недели, проведенные дома, пролетели для Куты, словно один миг. Давно так долго не задерживался абрек в Довта-Мартане и не хотел обрекать свою семью и своих близких людей опасности. Под покровом ночи, Кута вновь погнал своего верного скакуна в сторону гордой Черкессии. После зажившей раны, после теплых минут, проведенных в семейном кругу, Кута был полон жизненной энергии, силы и безграничной любви к Родине, ради которой он готов был снова и снова выходить на этот тернистый путь народного мщения. Абрек направлялся в сторону горного аула Хатухшукай, где жил его названный брат – черкесский абрек Хапагож. До Куты дошла новость, что во время переправы из Прохладного лошадей Шоптака, он получил ранение и абрек решил навестить своего черкесского брата. Пройдя через Ассинское ущелье, наслаждаясь величественной красотой суровой природы Кавказа, абрек пересек ингушский Джейрах, и поверх крепости Назрань направил коня в сторону Осетии.

Проехав между Владикавказом и Бесланом, Кута вышел на дигорские земли, где проживали его верные друзья, но, чтобы сэкономить время, Кута не стал заезжать к ним, а сразу же поскакал в сторону Кабарды.

Его скакун по кличке Князь, прекрасно знал эти дороги, поэтому даже глубокой ночью с такой легкостью умел ориентироваться и проезжая вброд реку Урух его конь, вдруг, стал ржать и фыркать, показывая своему новому хозяину свое желание – посетить родные места, где он родился и вырос! Ведь они сейчас проезжали совсем рядом в нескольких верстах от поместья Кургако. Да, Кута знал нрав своего коня, купленный у Кургако и подаренный ему князем Бердом Шардановым...

Кута, вдруг, вспомнил тот день, когда он приехал к своему другу Кургако в кабардинский аул Прямая Пядь на реке Урух, чтобы купить себе обещанного Кургаком этого жеребца. В ту же пору туда приехал кабардинский князь Берд Шарданов с желанием приобрести для себя коня... И неизвестно – подумал сейчас Кута – чем бы закончилось в тот день недоразумение, если бы князь Берд Шарданов принял бы условия Куты – сразиться, чтобы решить спор – кому достанется скакун. Мудрость и бесстрашие, и воля к справедливости Берда Шарданова разрешил этот спор благородным поступком князя – он, как оказалось, расплатился за коня в пользу абрека и уехал, ко всему, пожелав видеть Куту гостем в своем доме... – А надо бы, обязательно навестить князя – подумал абрек – да и хороший подарок отвезти своему новому кунаку.

И чтобы успокоить своего верного друга, Кута стал уговаривать Князя:

– Дорогой мой друг, Князь! – обратился Кута к своему коню, глядя его по шее и теребя гриву – сейчас не время, у нас с тобой срочные дела, прости меня, мы обязательно вернемся, и ты увидишь и Кургако своего бывшего хозяина, всех своих друзей скакунов, и мать свою – кобылу Псыдахэ (*кабард. Псыдахэ – русск. Красивая река*), она наверное тоже скучает по тебе, обязательно дам вам свидится со всеми...

...Левее оставляя Нальчик, Кута направил своего коня в поселение Кучмазукино (*на кабард. черкесс. яз. – Кушмэзыкъуей. ныне Баксан*), которое находилось на равнине, в 12—15 километрах от Нальчика, к близким друзьям своего отца. Он решил переночевать у них и заодно проведать их. Эти благородные кабардинские князья когда-то стали надежным тылом для его отца.

В синеве разливающегося рассвета гасла последняя звезда, когда Кута увидел знакомые очертания села Кучмазукино. Он осторожно направил коня в сторону дома сына Алхаса Мисоста. Вдруг нарушая утреннюю тишину, раздался чей-то окрик.

– Кута! Неужто ты?

Схватившись за карабин, Кута резко оглянулся, готовый в любое мгновение нажать на курок и увидел Тембота – троюродного брата Мисоста. Кута быстро спустился с коня и сразу же оказался в братских объятиях, счастливого от встречи кабардинца.

– Да ты мало того что жив, еще и здоров! Глазам своим не верю! – рассмеялся Тембот. – Мы слышали, что ты очень сильно ранен и вместе с Мисостом и Таном собирались к тебе в Довта-Мартан.

На шум Тембота высыпали горцы с соседних домов, но Кута был спокоен, потому что знал, что в этом кабардинском ауле ему никогда не будет угрожать опасность. Пока он разговаривал с Темботом, кто-то из горцев успел сообщить Мисосту, что в Кучмазукино прибыл Кута. Мисост, словно вихрь в ту же минуту оказался здесь и крепко обнял чеченского абрека.

– Ассаламу Алайкум, брат! Как же я счастлив, что вижу тебя живым и здоровым – не мог нарадоваться кабардинец, а потом, обращаясь к остальным горцам сказал:

– Кута очень уставший после долгой дороги, поэтому дадим ему сначала отдохнуть, а вечером соберемся все у меня. Горцы согласившись с этим решением, разошлись в ожидании интересного вечера, наполненного теплом воспоминаний. В Кабарде очень сильно уважали чеченского абрека, поэтому каждый хотел соприкоснуться с его мужеством, услышать из его уст интересные истории из жизни.

Во дворе Мисоста стояла тишина, нарушаемая лишь редкими звуками природы. Издревле так заведено, что для кабардинцев гость – святое, поэтому каждый в доме Мисоста и стар и млад пытался охранять священный покой гостя. Но Кута не долго находился в плену сладких снов. Мысли, как заплутавшие путники бродили в его голове.

Здесь, в этом доме, провел тридцать лет своей жизни его отец, гонимый судьбой и врагами, так и не нашедший покоя, но ни за что не сошедший с выбранного им пути и исполнивший свое слово. Поэтому и был этот аул, этот дом так свят и дорог сердцу Куты. Он здесь относился ко всему с таким глубоким трепетом, словно оказался на священных землях Мекки. На этой кровати, наверное, засыпал его отец.

– Интересно, о чем же были его мысли? Была ли в его душе надежда на счастливое будущее, или же каждый миг его жизни был наполнен ненавистью к врагам и желанием им отомстить? – думал Кута. Каждый раз, попадая в этот дом, абрек искренне бывал благодарен кабардинцам, сохранившим эту комнату без изменений. Кута будто находил в этих стенах строгий образ своего отца, так рано ушедшего из его жизни, чьей любовью и теплом он волей жестокой судьбы так и не успел насладиться. Мысли абрека прервали чей-то стук в дверь. Это оказывается был Мисост.

– Ассаламу Алайкум! Я, наверное, разбудил тебя. Удалось ли хоть немного отдохнуть? – присел Мисост рядом с Кутой на край кровати.

– Ва Алайкум Ассалам! – встал Кута, приветствуя кабардинца. – Я очень хорошо выспался. Знаешь, в этом доме мне не хочется долго спать. Здесь я как будто чувствую отца, словно в этих стенах бродит пьянящий запах его непростой жизни, словно его мысли и мечты как птицы кружат рядом со мной, ведь, наверное, в его жизни помимо жажды мести были и простые человеческие мечты?! – вздохнул абрек.

– В Кучмазукино гостит мой дядя – двоюродный брат моего отца Жанхот, сын Атажуко. Он был близок с твоим отцом и знает о нем очень много. В молодости они вместе с моим отцом много раз гостили у Маьхди. Сегодня Жанхот будет у нас... – сказал Мисост, а их разговор прервал мелодичный голос муэдзина, призывающего мусульман на дневной намаз.

– Мы будем ждать тебя в большом доме, там и совершим вместе намаз, а потом пообедаем. Скоро и лекарь придет, чтобы осмотреть твою рану – сообщил Мисост.

Во время обеда в доме Мисоста собрались все благородные представители рода Кушм-эзыкыевых. Среди них был и старец Жанхот, и двоюродный брат Мисоста Тауби, а также

Аслангирей, Джиляхстан, Закирей, Гошанаixo, Тембот и Тан. Кута первым делом приветствовал старца Жанхота.

– Да будет добрым твой день, Жанхот! Как я счастлив видеть тебя в добром здравии. Ты нужен не только одной Кабарде. Весь Кавказ нуждается в твоей мудрости. Если бы враги не мешали, тебя необходимо было возить по всему Кавказу, чтобы ты подрастающему поколению рассказывал о взаимоотношениях наших отцов, о том как они помогали друг другу и поддерживали братские отношения. – сказал Кута.

– Живи с добром, дорогой Кута! Как же мы счастливы видеть тебя в Кабарде. Наверное, ты хочешь исполнить заветы своего отца. Маьхди всегда мечтал объединить лучших сынов Кавказа в борьбе против наших врагов. Его мечта не исполнилась, но зато есть ты и мы верим в тебя. Кавказцы готовы встать за тобой, по крайней мере адыги всегда будут на твоей стороне. А теперь, давайте все за стол! – пригласил Жанхот гостей к обеденной трапезе.

– Кута, все, кто собрался здесь твои верные братья. Мы ни разу не разочаровали твоего отца и сделаем все возможное, чтобы и ты не потерял наше доверие – обратился к абреку Мисост.

Пообедав, горцы пили ароматный чай из горных кавказских трав. Все смотрели на Жанхота в ожидании, что он очередной раз поведает что-то интересное. Таков он старый обычай Кавказа, будь то на похоронах или на свадьбе, всегда давать слово старцу, чтобы молодые могли питаться его мудростью. Жанхот понял, что горцы жаждут его совета, его рассказов или жизненных историй. Окинув всех взглядом, он начал свой разговор, обращаясь к Куте:

– Мисост говорил мне, что ты хочешь узнать как жил твой отец в Кабарде, какими тропами ходил здесь и какую память оставил о себе. Вся Кабарда была наслышана о его безграничном мужестве, однако в моей памяти навсегда остался один очень яркий фрагмент из его жизни... – улыбнулся Жанхот. Кажется, старец уже был в плену своей памяти.

– Кута, твой отец Маьхди был очень своеобразным человеком. Вы чеченцы очень несдержанные, с тяжелым характером люди, но в нем было заложено какое-то удивительно крепкое терпение. Он мог провести целый день, не произнося ни единого слова, уходя в глубину самого себя. Не знаю, возможно, он был таким из-за пережитого горя, но то умиротворение и покой, что жили в нем, очень сильно обманывали его врагов. Именно во время борьбы просыпалась в нем чеченская дерзость и отвага. Мой отец очень много рассказывал о его мужестве, но сегодня я хочу поведать вам историю, свидетелем которой был лично я сам. Вместе с отцом Мисоста Алхасом я с раннего детства был очень сильно привязан к твоему отцу. В то время он жил в Кабарде, исполняя данное собой слово отомстить за невинно убиенных жителей Довта-Мартана. Вместе с ним иногда бывали и чеченцы, в большей степени его двоюродные братья по матери Нохмарза и Ахмарза, но в основном Маьхди сопровождали кабардинцы из рода Кучмазуковых. Русские военные уже знали, что за ними охотится опьяненный жаждой мести чеченец, поэтому особо тщательно с помощью обученных собак охраняли свой стан. Много раз Маьхди возвращался с тяжелыми ранениями, волоча за собой безжизненные тела верных друзей, но при этом, у него даже в мыслях ни разу не возникло желания свернуть с пути возмездия. Самой большой преградой для него были эти обученные собаки, которые даже на далеком расстоянии учуяв запах приближающихся абреков, поднимали лай, от которого просыпались солдаты и офицеры.

Однажды в наш аул приехал в гости один балкарский старец из Приэльбрусья. В тот же день, сюда прибыл и Маьхди, с которым был один раненый чеченец и его остальные друзья кабардинцы. Очередной раз потерпевшие неудачу горцы, поведали старику, с каким коварством и хитростью обошлись с ними русские военные.

– Вам нужен волк! – внимательно выслушав их, сказал старик. Все вопросительно посмотрели на него, а балкарец продолжил – если с вами будет волк, собаки, учуяв запах, испугаются и не поднимут лай.

Идея балкарца бесспорно была замечательной, но где же найти волка, да и какой волк будет ходить за ними по пятам, исполняя их прихоти.

Атажуко быстро подсел к старику и сказал:

– В горах Балкарии точно можно было найти волчонка. Как же он нам нужен! Как бы найти его?

Маьхьди, как обычно молча всех слушал.

Задумавшись, балкарский старец сказал:

– Вам нужен волчонок, но чеченцы никогда не смогут оторвать детеныша от матери. Не в правилах чеченцев держать волка в неволе.

Довольный его разговором, Маьхьди сказал:

– Ты видимо хорошо знаешь характер нашего народа. Так же как и нас никто в этой жизни не сумел приручить волка, потому и выбрали никогда никем не покоренные чеченцы именно этого зверя своим символом...

II

Этот разговор у них произошел в начале весны, а спустя несколько месяцев в наш аул снова прибыл балкарский старец. Заходя во двор Кучука, он громко крикнул:

– Где ваш чеченец? Я ему волчонка принес!

Все высыпали на улицу. Маьхди тоже оказался дома. Горцы подумали, что старый балкарец решил подшутить над ними, но когда он развязал мешок, из которого на них посмотрели яркие и полные особенной дерзостью глаза маленького волчонка, все поняли, что старик оказался прав. Злым рычанием волчонок не подпускал никого к себе близко.

– В наших горах из-за сильных дождей вышедшая из берегов река, кажется, смыла их логово. Этого волчонка нашли одного на берегу реки. Я специально приехал сюда, чтобы отдать его тебе. Вырасти его и посмотри что у тебя получится. Волк обязательно поймет волка. Никто на этой земле еще не смог приручить волка и ты тоже не сможешь, но если он увидит в тебе волчий характер, он поймет, что ты не хочешь сделать из него раба, и тогда он станет для тебя верным другом. А ты, будучи чеченцем, никогда не будешь подавлять волчью волю, так как знаешь цену свободе...

Маьхди осторожно взял на руки волчонка и пристально посмотрел ему в глаза. И в этих глазах одинокого мстителя горела одна единственная просьба – помоги мне отомстить за невинно пролитую кровь чеченцев. Ты же волк! В тебе же живет душа моего народа, так встань вместе со мной на этот путь, благослови меня на возмездие!

Борзак... – так назвал Маьхди свою неожиданную находку, стал для чеченца практически смыслом жизни. Он ухаживал за ним словно мать за новорожденным, отдавая всю свою заботу и тепло. Маьхди ни разу не ругал волчонка, не повысил на него голос, так как знал, что волк – это не собака, и он никогда не простит даже косой взгляд в свою сторону. Для одинокого абрека, в одночасье лишившегося всей своей семьи, этот такой же, как он одинокий волчонок стал единственным смыслом жизни.

Прошел ровно год. Борзак вырос. И каждой ночью Маьхди слышал тоскливый вой молодого волка, который пронимал его до костей. Борзак был очень привязан к Маьхди. Когда его не бывало дома, он даже не притрагивался к еде и очень сильно тосковал по нему, а Маьхди не знал что делать. И днем, и ночью он думал о Борзаке, а его этот тоскливый вой постоянно звенел в его ушах, словно укор. Чеченец считал себя виноватым перед волком, и в один из дней, наконец решил отпустить его на свободу.

На рассвете вместе с горцами из аула Кучмазукино Маьхди выехал в горы, чтобы навсегда отпустить Борзака.

Они дошли до густого предгорного леса. На арбе послушно сидел в деревянной клетке сидел Борзак, горделиво оглядывая все вокруг себя, словно чувствуя эту скорую встречу со свободой. Маьхди осторожно открыл клетку и сказал:

– Уходи, Борзак, ты теперь свободен! Прости меня, если сможешь!

Молодой волк соскочил с арбы и дико оглядывался вокруг, словно не мог даже поверить, что он действительно на свободе, будто не мог надыхаться этим чистым горным воздухом. Он беспокойно оглядывался вокруг, не зная какую выбрать для себя из тысячи опасных троп Кавказа, раскинувшихся перед ним.

– Уходи, Борзак! Пусть будут свободны твои дороги! – печально крикнул Маьхди, словно навсегда расставался с единственным другом.

Волк медленно пошел в сторону леса, а потом, сделав несколько шагов оглянулся.

– Уходи, Борзак! Уходи! Ты свободен! – снова крикнул ему Маьхьди и молодой волк исчез в густом предгорном лесу Кабарды. Маьхьди долго смотрел ему вслед. Сколько мыслей витало в его голове. Как же он завидовал этому волку – свободному и молодому, ведь он уже давно был скован цепями собственной клятвы...

Проводив молодых горцев, Маьхьди вместе с Кучуком решили навестить своего кунака, который жил отсюда неподалеку. Друзья прекрасно провели у него время и на следующее утро возвращались домой. По традиции кунак решил их проводить. В его сопровождении они выехали на конец села. Маьхьди и Кучук только хотели распрощаться со своим кунаком, как услышали людские крики. Недолго думая, всадники повернули коней. Через некоторое время они увидели бегущего на встречу пацаненка.

– Что там случилось? – крикнул ему Кучук.

– Волка поймали! – бросил на ходу мальчишка.

Маьхьди словно обдало жаром. Обжигая коня ударом хлыста, он вихрем помчался в ту сторону, где он как понял, приключилась беда с его верным другом. За ним поскакали и друзья. В окружении торжествующих от удачной травли горцев, лежал весь окровавленный Борзак, который из последних сил скрипел зубами, давая понять, что воля его не сломлена, сколько бы ран ни было на теле.

– Борзак! – крикнул Маьхьди, врываясь в толпу. Услышав родной голос, волк забился, пытаясь встать, но снова обессиленный рухнул на землю.

– Придержите своих собак! – прикрикнул на людей Кучук, а Маьхьди осторожно опустился рядом с раненым волком. Он быстро осмотрел тело волка, пытаясь оценить степень тяжести его ран.

– Что здесь произошло? Зачем вы сотворили над ним такое? Он же совсем молодой! Почти щенок! Чем он мог вам помешать? – со злостью спросил Кучук у людей, окидывая взглядом каждого.

– Вчера его учуяли собаки на окраине села. Он разорвал двух собак. Мы даже удивились, что волк так близко подошел к селу, и думали, что он убежит в лес. Но сегодня на рассвете собачий лай поднял на ноги все село, поэтому мы и вышли, чтобы устроить засаду незваному гостю. Мы-то думали, что это выдавший виды, матерый волк, а на деле оказался почти щенок – виновато опустив голову, ответил один из горцев.

Кучук протянул ему руку:

– Не переживай. Вы ни в чем не виноваты. Если вы позволите, мы бы забрали его отсюда.

– Конечно! Нет проблем – обрадовался кабардинец.

Борзак еле дышал. Учítывая сколько ран, было на его теле, не было даже крохотной надежды, что волк может выжить. Горцы завернули раненого волка в тряпку и передали его, сидящему на коне Маьхьди. Он бережно взял этот сверток и словно ребенка прижал его к сердцу. Борзак смотрел на него потухшими глазами.

– Сейчас ты поймешь меня, Борзак. Сегодня сплелись воедино наши с тобой жизненные дороги. Вот так и мне когда-то судьба преподнесла свою горькую чашу, которую мне до сих пор приходится пить. Знаешь, сколько раз в этой жизни вокруг меня смыкался круг голодных собак, и я оставался один на один с лицом своей жестокой судьбы. Поэтому я так сильно нуждался в тебе, но ты меня не понял. Ты был слишком молод, тебя звала свобода, и потому тебе казалось, что я держу тебя в неволе. Каждую ночь ты так тоскливо выл, что я, не выдержав натиска твоей боли, решил отпустить тебя, но судьбе видимо было угодно вновь свести нас на жизненной арене. Прошу тебя, не умирай! Тебе нельзя умирать! Из последних сил цепляйся за эту несправедливую, коварную жизнь. И я знаю, что ты победишь, что ты будешь жить, потому что ты, как и я обязан отомстить, а это мой друг, очень серьезный повод, чтобы любить жизнь. Желание отомстить – это самое сильное на земле лекарство, которое может вернуть

к жизни даже того, кто стоит на краю бездны своего конца – Маьхьди разговаривал с волком словно с человеком, и кажется тот его действительно понимал, ведь как говорил балкарский старец, лишь волк поймет волка...

Маьхьди все свои силы начал отдавать, чтобы вернуть молодого волка к жизни и ему это по воле Аллаха удалось. Однако Маьхьди все равно не знал, что на душе у волка, и каким будет его следующий выбор – безграничная свобода или верность человеку, спасшему его жизнь?

Снова собрались горцы во дворе Мисоста где жил Маьхьди. Окрепший Борзак внимательно окидывал всех своим гордым, дерзновенным взглядом, словно действительно был готов к принятию самого важного решения в своей жизни.

Маьхьди опять открыл деревянную клетку:

– Борзак, уходи, если хочешь. Я снова оставляю тебя свободным! – сказал Маьхьди.

Борзак осторожно вышел из клетки и полной грудью вдохнул чистый горный воздух, в котором витал этот необъяснимый вкус дикой свободы, а потом, подойдя к Маьхьди, сел рядом с ним, уткнувшись мордой в его ноги. Все поняли, что волк сделал свой выбор в пользу чеченца. Маьхьди опустился рядом со своим другом и, прижав к себе его лохматую голову прошептал:

– Не унывай, Борзак! Мы с тобой еще заставим трепетать сердца врагов. Я ведь тоже также свободен и одинок как и ты!

– Эх чеченцы! Не зря же нарекли вас волками! – засмеялся Атажуко. В тот вечер кабардинцы устроили большой пир в честь дружбы волка и чеченца.

III

Через несколько лет Борзак стал матерым волком. Он действительно оправдал доверие Маьхьди и стал для него верным другом и братом. Многим врагам устраивали они вместе засады, многим смог отомстить Маьхьди, благодаря волку. Русские узнали про Борзака. Они мечтали избавиться от него даже больше чем от Маьхьди. Власти даже установили цену за его голову, которая ничем не уступала цене за голову самого рьяного абрека. Всю свою жизнь, молодость, душевный покой, физическое здоровье – все отдал Маьхьди, чтобы отомстить каждому, кто отдавал приказы истребить его село в тот роковой вечер, когда он в одночасье лишился жены и пятерых детей. В течение тридцати лет всех нашел Маьхьди и всем отомстил как и давал слово самому себе. Остался один лишь казак майор. Маьхьди даже в город Царицынь отправился в поисках него.

Майор оказывается и не был так далеко от своего преследователя, вышедшего на тропу народного мщения. Военному деятелю, с честью исполнившему свой долг, выделили земельный надел на Юге России. Так, майор поселился жить в Кубанской станице. Он теперь был полностью свободен от военных обязательств и с головой ушел в семейные заботы, всецело наслаждаясь домашним уютом на той земле, которую он и его сотоварищи так щедро облили кровью.

Но однажды поздним летним вечером, возмездие постучало в его двери – Маьхьди вышел на его след. Это был последний, финальный шаг на тридцатилетнем пути отмщения чеченца. Маьхьди высоко задрал голову, пристально посмотрел в небо, усыпанное мириадами звезд, словно умоляя его благословить себя с честью завершить задуманное. Вместе со своими верными друзьями, Маьхьди зашел во двор. В тот вечер с ним был и двоюродный брат Нохмарза. В окне майора горел свет. Он лежал, развалившись на мягкой постели, готовый отойти к ночному сну. Вокруг него ходила молодая, миловидная женщина, а с соседних комнат раздавались полусонные детские голоса. Не было в этом ничего особенного или сверхъестественного – так живут на земле тысячи семей, так жил когда-то и Маьхьди. За тридцать лет окаменевшее сердце чеченца, не дрогнуло, не сжалось, не заплакало от боли, увидев сегодня счастье врага, который когда-то лишил его счастья...

Он возведя курок, медленно вошел в дом. По всему телу разлилась какая-то приятная истома, от осознания того, что в эти минуты он окончательно исполнит данное Богу и самому себе слово, которое он пронес на протяжении тридцати лет. Кабардинцы, которые были с Маьхьди окружили дом майора. Когда Маьхьди вошел – вооруженный, с диким, блуждающим взглядом, словно зверь, учуявший запах крови, майор все понял. Он понял, что пусть и через долгие годы, но час расплаты все же настал. Облокотившись о стену, стояла, побелевшая от страха его жена, притихли испуганные дети. Ни кровник, ни враг не выронили ни слова и молча смотрели друг на друга. Майор был лишь удивлен, как так бесшумно зашел чеченец, что даже собаки не учуяли его. Маьхьди поднял ружье, но ситуация изменилась в доли секунды – в комнату вошел самый младший сын майора. В его синих, словно небо бездонных глазах не было ни капли страха. Он был слишком мал, чтобы понять происходящее и взобравшись на колени к майору, стоявшему на шаге от смерти, так сильно прижался к его груди, будто не мог насытиться отцовским запахом, а потом улыбнулся Маьхьди, который Божьей карой вошел в их дом в этот безмятежный летний вечер. Глаза ребенка смотрели прямо в душу чеченцу, и он понимал, что огонь, горевший в его сердце на протяжении тридцати лет, тушит эта чистая синева детских глаз...

Даже после такой боли и горя, оказывается, не окаменело сердце Маьхьди. Перед его глазами встал тот роковой летний вечер, который навсегда перевернул его жизнь – эти маленькие ручки его пятерых детей, которые так и окоченели вцепившись в холодеющее тело матери,

улыбки, навсегда застывшие на их круглых лицах, этот черный дым, застилавший предгорные холмы родного Довта-Мартана, повсюду валявшиеся тела его односельчан. Интересно, что было на сердце его семьи в тот момент? Кричали ли они его имя в предсмертном бреду? Просили ли милости у врага? Его жизнь ведь тоже была когда-то такой же благодатной и счастливой. Сколько раз он спешил к дому после тяжелых полевых работ, и сердце как в первый раз так радостно билось, видя этот маленький огонек в окне его дома, через которое он различал очертания красавицы жены, суевающейся по дому, слышал родные голоса сыновей и дочерей. Но все это в один момент рухнуло, превращая всю его, некогда спокойную жизнь в одно дикое желание отомстить. На протяжении этих долгих тридцати лет скитался он по всему Кавказу, уничтожая одного за другим тех, кто отдавал приказы на эту карательную экспедицию в Довта-Мартан. Оставалось лишь сейчас взвести этот курок и та тяжелая ноша мести свалится с его плеч, и он в назначенный срок с чистой совестью уйдет в Праведный мир, чтобы увидеть там отмщенных жену и детей. Но в глубины его истекающего кровью сердца, смотрели эти синие глаза ребенка. Он все сильнее и сильнее прижимался к отцу, словно чувствуя скорую разлуку, не мог насытиться его теплом. Вдруг неожиданно для всех, приводя в изумление самого майора, его жену, и наблюдавших с улицы за этой картиной, кабардинцев, чеченец опустил оружие. Он подошел к сидящему на коленях майора ребенку, и погладил его по русым волосам. Ребенок смеялся, застенчиво пряча свою головку на груди отца...

Маьхди вышел. Никто в доме не шелухнулся с места, лишь выглянувший в окно майор увидел как его двор покидают несколько всадников, а среди них, словно жеребенок, ластящийся к кобылице, подпрыгивая, бежал какой-то зверь.

– Неужто волк? – изумился майор, а потом убедился в своих догадках, вспомнив, что ни одна собака не издала даже писка, когда незваные гости заходили в его двор.

Небо было чистым и звездным, словно ничего и не произошло, а Маьхди в ту ночь окончательно завершил свой тридцатилетний путь возмездия. В его душе прощение оказалось сильнее жажды мести. Из чего было сделано его такое крепкое, но при этом умеющее прощать и любить сердце?

Через несколько лет русские убили Борзака. Вот так и остался Кута твой отец без верного друга и собрата, а этот эпизод из его жизни я запомнил навсегда. Как же не случайно в этой жизни твое мужество. Ты семя достойного племени! – старый Жанхот встал, завершая свой рассказ. За ним встали и остальные горцы.

– Сколько планируешь у нас пробыть? – спросил Жанхот.

– Я планирую сегодня уехать. Я увидел вас всех, отведал вашего хлеба, а вечером можно и тронуться в путь.

– Сегодня мы не отпустим тебя. Скоро лекарь придет, чтобы осмотреть твою рану. А завтра на рассвете мы вместе выедем из Кабарды. Со мной будут Тембот и Тан. И мы вместе проводим тебя до твоего друга Хапагожа. – сказал Мисост. Жанхот кивал головой, одобряя его предложение.

– Передай большой салам нашим братьям черкесам, и обязательно, по обратной дороге заезжай в Кушмэзыкьюей! – сказал старец, называя свой аул настоящим названием на кабардинском языке.

Хапагож

I

После утреннего намаза, наскоро позавтракав, наслаждаясь прохладой синего рассвета, друзья выдвинулись в путь. В окружении кабардинских князей из рода Кушмэзукъевых, Куте было не так опасно передвигаться днем перед неожиданной встречей с казацкими конными передвижными отрядами, которые патрулировали окрестности этих краев. С плотно натянутым на глаза башлыком его бы никто и не узнал, а кабардинцы, которые были рядом с ним, пользовались большим уважением в своем крае, и даже за пределами.

Когда сумерки начали окутывать вершины гор, друзья без каких либо препятствий захали в черкесский аул. Кута хорошо знал эту местность, потому что много раз здесь бывал. Доезжая до ворот Хапагожа, горцы спешили. Молодой черкес, что вышел им открыть ворота, сразу узнал чеченского абрека.

– Ассаламу Алайкум! – обнял он Куту! А еще больше обрадовался, когда Мисост заговорил с ним на черкесском. Гости зашли к Хапагожу. Черкесский абрек пытался встать с постели, чтобы приветствовать названного брата, который прибыл к нему вместе со своими кабардинскими друзьями.

– Ассаламу Алайкум! Мы не разрешаем тебе вставать! – Кута от души обнял своего черкесского брата. Хапагож был счастлив видеть и кабардинцев, так как был хорошо знаком с Мисостом – один раз он бывал у него дома с ночевкой вместе с Кутой.

– Дорогой Хапагож! Мы не захотели отпускать Куту одного. А когда узнали, что он едет навестить раненого тебя, тем более захотели сопроводить его. А это наши братья Тан и Тембот! – познакомил Мисост Хапагожа со своими родственниками.

– Я безгранично рад видеть вас всех. Как же прекрасно, что вы не отпустили моего брата одного – поблагодарил Хапагож кабардинцев. Кута присел рядом с черкесом.

– В каком месте ты ранен? – Кута пытался понять степень тяжести его состояния.

– Чтобы запутать наших преследователей, мы вместе с балкарцами проскакали в сторону станции Майская. Оттуда они должны были поскакать в Верхнюю Балкарию, а мы через Исламей, податься в Черкесию. Когда мы, обогнув Майский, поскакали дальше, за нами погнался казачий отряд. Я с еще четырьмя горцами остался в засаде, чтобы их остановить. Когда они поравнялись с нами, мы залпом открыли по ним огонь, в результате чего несколько человек слетело с седел. Мы еще несколько раз произвели выстрелы, и пока казаки были в замешательстве, мы поскакали вслед за своими. Вдогонку нам начали стрелять и казаки, вот и задела пуля левое плечо. Чуть пониже могли бы и сердце достать. Но на этот раз пронесло! – улыбался Хапагож.

– У каждого из нас на земле свой срок отведенный Аллахом, поэтому в Праведный мир мы никогда не опоздаем, но и не попадем туда раньше времени. – сказал Мисост, хлопая аккуратно черкеса по плечу.

Кута, где будет лучше вам накрыть стол? – спросил Хапагож.

– Стол лучше, конечно, накрыть в твоей комнате. Ты ведь тоже захочешь вместе с нами за чашкой чая провести время – посоветовал Мисост.

– Ничего! Через два дня вернется моя жена, тогда она будет нас баловать разными кушаньями. Она поехала погостить в отчий дом – сказал черкес.

– Кута, Хапагож! Мы сейчас совсем не голодны. Мы хорошо отдохнули, поэтому думаю, будет правильно, если мы не задерживаясь уедем обратно в Кабарду. Наш чеченский брат

теперь в надежных руках, поэтому мы можем смело уйти с вашего позволения – начал разговор Мисост.

– Об этом и речи не может быть! Будто вы не знаете, что я вас не отпущу! – недовольно посмотрел на кабардинцев Хапагож.

– Мисост! Хапагож прав! Я тоже не хочу, чтобы вы обижали моего брата. Вы впервые у него в гостях, поэтому будет не по-кавказски, если вы покинете его очаг, не переночевавши – поддержал Кута Хапагожа.

– Мы даже и в мыслях бы не допустили бы обидеть тебя и твоего друга. Поэтому простите нас оба. – сказал Мисост, с большим теплом принимая то братство и дружбу, предложенные им черкесом. – Но у нас возник один вопрос! Почему Хапагож для Куты названный брат, а мы всего лишь близкие друзья? – внимательно посмотрел Мисост на чеченского абрека, и горцы громко рассмеялись...

– Уважая права хозяина дома, хочу, чтобы сам Хапагож рассказал непростую историю нашего братства. Кроме того, это было его желание вывести нашу дружбу на этот высокий пьедестал кровного братства! – предупредил Кута своих друзей.

Черкесский абрек Хапагож

Хапагож улыбнулся. Все поняли каким святым и ценным было для него то воспоминание, которое он должен был сегодня поведать для своих друзей.

– Это самый яркий и незабываемый фрагмент из моей жизни. В его корне лежит великое братство и культура поведения народов Кавказа, которой все мы обязаны следовать – сказал Хапагож, чуть приподнимаясь с кровати, чтобы опереться о подушку, лежащую за его спиной. – Со дня своего совершеннолетия я веду неравную борьбу с нашими врагами. В семнадцатилетнем возрасте я был тяжело ранен. С тех пор остался хромым, за что в народе и прозвали меня хромой Хапага – засмеялся черкесский абрек, а потом внимательно окинув взглядом гостей, начал свой рассказ.

– В те годы я был очень известным молодым человеком на Кавказе. В один из дней на торжестве, которое проходило у моих родственников по материнской линии в Бесленее, я увидел безумно красивую девушку. Оказывается, это была дочь ногайского князя. Она была очень юна, но ее уже по-женски сформировавшаяся красота, не оставила бы равнодушным никого. Услышав, что я присутствую на этом торжестве, она захотела меня увидеть и попросила, чтобы меня привели к ней. Мне быстро сообщили, что дочь Ураковских князей, известная своей красотой, юная Сююмбике хочет меня увидеть. В этот день мы впервые увидели и узнали друг друга. С тех пор мы иногда пересекались на чужих свадьбах или других торжествах. Если сказать честно, наши сердца тянулись друг к другу и мы это не скрывали. Узнавший об этом отец Сююмбике, заявил, что его дочь может выйти замуж лишь за людей княжеского происхождения, а я как вы все знаете, свободный черкес, не относящий себя ни к какому сословию. В моем роду никогда не было ни рабов, ни князей. Я отчаялся на счастье с любимой, но оказывается Сююмбике не собиралась отступать. Как выяснилось, характер девушки был свободным, словно ветер, гуляющий по ногайской степи – засмеялся Хапагож, а в его глазах до сих пор горела, все такая же свежая как в далекой юности, любовь к своей избраннице. В одну из наших последних встреч, я услышал укор от любимой:

– Не ты ли известный на Кавказе абрек, и ты можешь что угодно отбить у врагов, а украденная любимым девушка на Кавказе издревле оставалась в его семье.

Я, недолго думая вместе с друзьями украл Сююмбике. Тогда и началось все. Гонцов, которые отправились к Ураковским князьям с вестью, что Сююмбике по своей воле вышла замуж за Хапагожа, те прогнали и объявили нам вражду. Родственники моей матери – Бесленеевские князья попытались помочь мне, но им ничего не удалось. Ногайцы требовали вернуть им дочь, а Сююмбике ни в какую не хотела возвращаться в отчий дом. Когда мы поняли, что заключить мир с ногайцами не удастся, один старец из Бесленея решил, что нужно попросить помощи у чеченцев. Он отправил гонца с письмом к бывшему наibu Имама Шамиля Эзе из Довта-Мартана.

Ногайский старейшина был близким другом Эзы, часто гостил у чинхоевцев и пользовался среди них большим уважением. Но, к сожалению, Эза не смог к нам прийти сам, а прислал вместо себя своего племянника – известного на Кавказе абрека Куту. – Хапагож с большим теплом посмотрел на чеченца. – Тогда он принес послание от Эзы для старца из Ураковского рода. Тогда я думал что может сделать этот молодой, не имеющий жизненного опыта парень в том вопросе, который не могут разрешить даже Бесленеевские князья. Несмотря на молодой возраст, Куту на Кавказе знали, и особым уважением он пользовался среди адыгов, но и тем не менее я надеялся, что мудрость приобретенная за долгие годы жизни его дядей сыграет более решающую роль, но я, оказывается, ошибался в своих сомнениях. Мало того, что Кута смог примирить с нами ногайцев, ему удалось еще добиться от них решения выделить нашей молодой семье земельный надел. – Хапагож смотрел на чеченца и его глаза, в которых всегда горел огонь злобы и дерзости, сейчас сверкали благодарностью и теплом.

– Я-то не большую роль сыграл в этом деле. Все разрешил мой дядя Эза. Он много лет состоял в дружеских отношениях с ногойцами, потому и не смогли те пойти против его слова – ответил Кута.

Вечер медленно уходил в ночь, а горцы не могли наговориться. Было им о чем вспомнить. Пусть и не были они еще седобородыми старцами, но с лихвой успели насытиться и горестями и радостями на том непростом жизненном пути, который они выбрали себе сами. Таковы они судьбы кавказцев, как беспокойные бурные реки, срывающиеся с горных скал...

После ночного намаза друзья разошлись по своим комнатам, чтобы дать возможность отдохнуть кабардинцам, которым ранним утром нужно было выдвигаться в путь...

II

В полночь Кута проснулся от шума, который раздавался со двора. Схватив свой карабин, он медленно подошел к окну. Абрек увидел как во двор заходит несколько всадников, среди них была жена Хапагожа Сююмбике. В это мгновение к Куте, словно тень подкрался Мисост, также сжимая в своей руке заряженный карабин.

– Кута, что за шум на улице? – спросил кабардинец.

– Я сам не пойму что происходит. Вернулась жена Хапагожа, но я не пойму зачем они приехали среди ночи, да и лошади у них все в пене – ответил Кута, пытаясь еще кого-то высмотреть в окне.

– Надо бы спросить у Хапагожа – взволнованно сказал Мисост.

– Подожди! Если вдруг понадобится наша помощь, Хапагож сам скажет – ответил чеченец. Кута и сам сторал от нетерпения узнать подробности о происходящем, но горский этикет не позволял ему вступать в семейные дела.

Через некоторое время молодой горец позвал Куту, Мисоста и их друзей Тана и Тембота к Хапагожу. Хапагож был растерян, но гостям старался не показывать свое замешательство.

– Хапагож, как твое состояние? Рана не беспокоит? – спросил Кута.

– Ничего страшного! Жена приехала домой. – Хапагож изо всех сил старался сохранить спокойствие.

– Ну хорошо тогда, если ничего серьезного, но ты не скрывай от нас ничего! – сказал Кута, и соглашаясь с ним одобрительно закивали и его друзья.

Во время их разговора в комнату зашла Сююмбике. Она тепло приветствовала друзей своего мужа:

– Кута, да будет свободным твой приход! Я так счастлива видеть в нашем доме тебя и твоих друзей. Уверена, что вас хорошо приняли, хоть меня не было и дома. – сказала Сююмбике дрожащим голосом, старательно отводя свои покрасневшие от слез глаза.

– И ты приходи свободной, сестра. Хапагож говорил нам, что ты ездила в отчий дом. Как поживают наши родственники? Что нового в ногайской степи? – спросил Кута, отводя свой взгляд от женщины.

– Все хорошо. Наши родители с остальными родственниками поехали на свадьбу к ногайцам, проживающим недалеко от Каспия. Дома никого нет – голос женщины задрожал, и, не выдержав натиска боли, слезы ручьями полились по ее красивым щекам.

– А что случилось? Нужна ли помощь?

– Что случилось? Мы можем чем либо помочь? – спросил Мисост. Никто не ответил. Комнату в миг окутала тишина, которую нарушил Хапагож, обращаясь к своей жене:

– Ладно, они все равно узнают, что уж теперь скрывать, расскажи.

Каждое слово Сююмбике давалось тяжело. Сглотнув тяжелый ком в горле, она поведала свой горький рассказ:

– Из-за того что родители в отъезде, я поехала, чтобы присматривать за домом, точнее за единственным братом. Ему семнадцать лет. Он появился на свет, когда родители уже отчаялись иметь наследника, и был для нашей семьи подарком Всевышнего. Мои отец и мать берегут его как зеницу ока. Они даже с собой на свадьбу его не взяли, оберегая от случайной беды. Это смысл жизни моих родителей, частица их души и долгожданное продолжение их жизни. Они оба не выдержат, если с ним что-то случится – Сююмбике разрыдалась, и, растирая по лицу слезы, продолжила:

– Некоторые ногайцы принимают участие в железнодорожных работах, которые идут в городе Армавир. Хотя они и не получают обещанной зарплаты, но и тем не менее за эту работу им платят гораздо лучше, чем в других местах. Но за последние три месяца они не полу-

чили ни копейки. Несколько ногайцев ходили к руководству с просьбой, чтобы им отдали кровью и потом заработанные деньги. Но они мало того что не получили обещанных денег, но были еще и жестоко избиты, а один из них был задержан. Об этом узнал мой брат. Несмотря на свой юный возраст, он очень остро пропускает через свое сердце любую боль нашего народа. Не послушав меня, он сорвался вместе с группой ногайцев в Армавир, чтобы освободить нашего земляка. А те, оказывается, уже сидели в засаде и окружили их. Мой брат начал стрелять, пуля попала и в него. Я не знаю сильно ли он ранен, да и жив ли вообще. – Сююмбике с криком выбежала из комнаты, задыхаясь в рыданиях.

Комнату снова окутала тишина, в которой чувствовался этот терпкий вкус надвигающейся беды. Чеченский абрек даже не догадывался, какую роковую роль сыграет эта история в его жизни. В комнате находилось еще несколько ногайцев из ураковского рода.

– Среди вас кто либо знает кто именно устроил им засаду в Армавире? – обратился Кута к ногайцам. Один из них ответил, обращаясь к Куте и стоящему рядом с ним Мисосту:

– Я был с ними в Армавире. Мы направлялись к армянину, у которого работали, но как только мы въехали в село, нас окружили и начали жестоко избивать хлыстом. Они бы поубивали нас, если бы брат Сююмбике Мухарби не выстрелил. Услышав выстрелы, они разбежались. Убедившись, что у нас ничего не получится, мы повернули обратно коней, но армяне подлю начали стрелять нам в спину. Раненый Мухарби слетел с седла. Он велел нам срочно скакать за помощью, поднять на ноги всех ураковских. Один из наших товарищей остался с Мухарби, а мы исполняя волю молодого князя приехали за помощью – виновато опустил голову молодой ногаец.

– Правильно приехали. Они бы всех вас поубивали, и никто бы не узнал истины – сказал Хапагож.

– Как тебя зовут? – спросил Кута, желая поближе узнать своих новых ногайских друзей.

– Меня зовут Калибек, а это Хасан – представил себя и друга ногайский гость.

– Сложившаяся ситуация пусть и несправедлива, но зато ясна и понятна. Где произошла беда мы тоже знаем. Ногайцы хорошо знают дорогу, ведущую к месту нападения. Скорее всего они задержанного князя держат у армян – начал размышлять Кута.

– Ну и? Тогда в чем вопрос? По коням и в дорогу? – Темботу видимо не терпелось броситься в пучину приключений.

– Вы уезжайте к себе в Кабарду. Здесь у Хапагожа много людей, да и среди ногайцев уйма настоящих мужчин. Нет надобности в людях – сказал Кута Мисосту, но а кабардинец, сжимая в руке свой карабин загадочно улыбнулся:

– Кута, пожалуйста, не трать времени на эти разговоры. Разрешать этот вопрос мы поедем вместе. Это однозначно! А вот кого мы еще берем с собой, это уже будет виднее тебе и Хапагожу. В час беды мы никогда не бросим наших ногайских братьев на произвол судьбы! – воскликнул Мисост.

– Никто никуда не поедет без нас! – подтверждая сказанное им, дерзновенно бросил Тан.

– Мне бы так не хотелось втягивать вас туда. Сам я как вы видите, не в состоянии встать, поэтому отправил клич, чтобы собрать черкесов – виновато сказал Хапагож.

– Черкесы тоже пригодятся. Нельзя тратить время! – чеченский абрек задумчиво смотрел на своих кабардинских друзей.

Хапагож не возражал, потому что знал, что как бы он ни отговаривал горцев, они ни за что не отступят. Хапагож и сам бы также поступил – таковы они были принципы кавказского абречества и нерушимого горского братства.

– Кута, в Армавире живет Хачатур. Это армянин черкесских корней. Возможно, ты и помнишь его. Ему можно доверять – сказал Хапагож, а кабардинцы внимательно слушали их, не перебивая, так как у них в Армавире не было никого из знакомых.

– В последний раз, когда ты был в Армавире? – спросил Кута у Хапагожа. Кажется, чеченский абрек уже прорабатывал в своих мыслях определенный план.

– Полгода назад был. А почему спрашиваешь? Как ты посещал Армавир, тоже не прошло и года. Помнишь, мы с тобой искали там одного анархиста из Баку. – ответил Хапагож.

– Армавир большой. Приезжих там много. В магазины постоянно ходят казаки с соседних станиц. Также Армавир посещают черкесы и ногайцы с соседних сел. В нашем случае это очень хорошо, так как мы не будем привлекать на себя лишнее внимание. Те, кто взяли в заложники Мухарби знают, наверное, что князь выйдет на поиски своего сына. В этом у меня нет сомнений. Скорее всего, ночью они бывают на страже, а днем отдыхают – сказал Кута.

– Как же ты прав, Кута. Надо в самое неожиданное время нагрянуть к ним в гости! – согласился Мисост с Кутой.

– Вам надо разделить на три группы. Во главе моих черкесов будет сын моего брата Темрук. Он очень хорошо знает дороги, ведущие в Армавир. Ногайцы тоже большую группу собрали. Все они будут беспрекословно вас слушать. – Хапагож был в печали. Не привык черкесский абрек, лежа на кровати, отправлять своих друзей в объятия опасности.

– Хорошо! Мы с черкесами Темрука, двумя ногайцами, которые были там в последний раз и с братьями кабардинцами подойдем к Армавиру с юга, со стороны Синюхина Сухой балки. Ногайцы должны будут подъехать к селу с востока, по течению реки Уруп. С правого берега Кубани они перейдут по Орловскому мосту и будут ждать снаружи Армавира. Если нужно будет, они прискачут на помощь. В полдень, к торговым рядам, подойдет представитель от каждой группы, чтобы сообщить о своем прибытии. Ждать времени нет, надо уже отправляться в путь, чтобы хотя хорошим ходом через полтора дня в полдень уже быть на месте, учитывая объезды казацких застав. Путь не близкий – полтора сотни верст... может и более, учитывая объездные тропы... Кута начал координировать друзей, беря в свои руки ситуацию. Чеченский абрек был блестящим тактиком и умел принимать решительные действия даже в самые опасные моменты.

– Кута, ты эти места хорошо знаешь. Нет даже года, как мы вместе там ходили – Хапагож был согласен с планом своего чеченского брата.

– Возможно я кое-что и забыл, но в первую очередь я заеду к нашему другу Оганесу. Он сделает нам подробный расклад о ситуации в Армавире. – сказал Кута.

– А кто же был Оганес? – задумался Хапагож.

– Алавердян – черкесский армянин. Неужели не помнишь? Он жил недалеко от церкви Сурб Геворка.

– Конечно, помню! Мы же были у него! – обрадовался Хапагож.

Кута встал, давая всем понять, что нет времени на лишние разговоры.

– Мои люди будут готовы с минуты на минуту. Темрук поторопит их, но а ногайцы, Кута, как ты и говорил, двое поедут с вами, а другие двое уедут в свое село. Ураковские князья будут их ждать. – черкесский абрек переживал за своих товарищей, так как они впервые шли без него на разбор такого опасного дела.

Зашла Сююмбике. Женщина уже успокоилась, не давая отчаянию вселиться в свое сердце. Несколько часов назад она и подумать бы не могла, что на защиту ее брата встанут лучшие сыны Кавказа.

– Ради Аллаха! Простите меня! Я нарушила ваш покой, не дала вам ночью поспать. Я уже отправила гонца к своему отцу в Дагестан. Завтра рано утром он прибудет домой. Отдохните до утреннего намаза, а потом я приготовлю еду – виновато засуетилась Сююмбике, собираясь выйти из комнаты.

– Подожди! – остановил ее Хапагож. – Кута поведет горцев в Армавир, чтобы освободить твоего брата. Сообрази им что-нибудь из еды на дорогу. Они, совершив намаз, тронутся в путь!

– Намаз мы совершим в пути. Нет времени ждать наступления утра. – сказал Кута, и с ним согласились остальные горцы, которые быстро вышли готовить коней.

Через несколько минут, Кута уже был готов выдвигаться со своей группой в Армавир, чтобы освободить из армянского плена молодого ногайского князя Мухарби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.